

ПРИЛОЖЕНИЕ

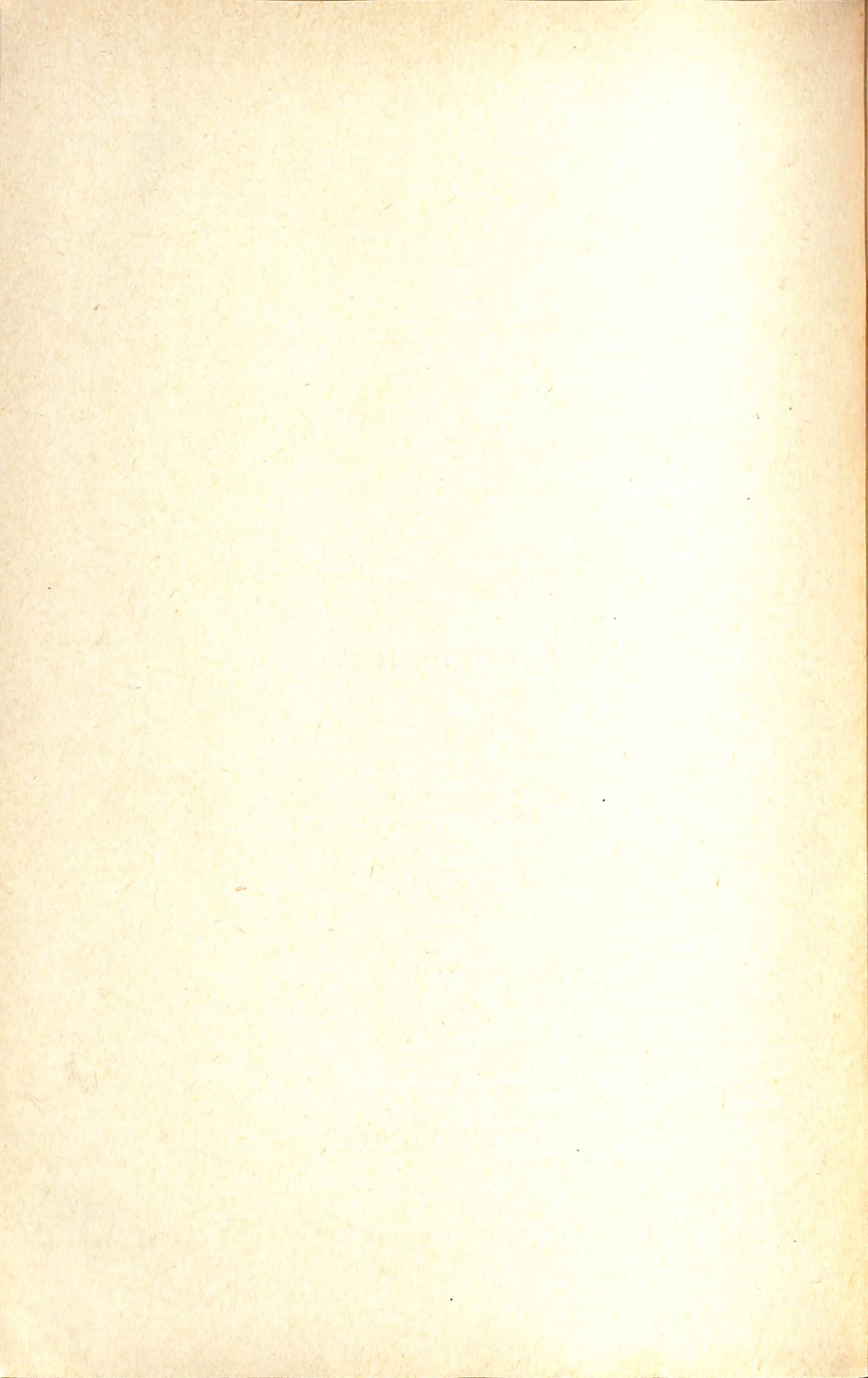
ISOCRATIS ORATIONES

ИСОКРАТ РЕЧИ

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

(продолжение)

VI. АРХИДАМ *

После победы Фив над Спартой в сражении при Левктрах (371 г.) начался распад Пелопоннесского союза. В Пелопоннесе развернулось широкое демократическое движение. При содействии фиванского полководца Эпаминонда в результате его первого победоносного похода в Пелопоннес, была освобождена от многовековой зависимости Мессения (370 г.) и основан город Мессена. Однако Спарта отказалась признать *de jure* независимость Мессении и не подписала предложенный Фивами в 366 г. мирный договор. «Мессенский вопрос» был предметом острых политических разногласий в Греции. Софист Алкидамант взял Мессению под свою защиту¹. Но выступлению Алкидаманта предшествовало выступление Исократ, который выражал интересы имущественной группы афинского общества, напуганной размахом демократического движения. Речь вложена в уста Архидама, сына правящего в Спарте царя Агесилая. Она служит призывом к продолжению войны ради сохранения спартанских прав на Мессению.

В античный период существовали две точки зрения на характер этой речи: 1) речь была заказана Исократу Архидамом; 2) речь является школьным риторическим упражнением. Последнюю точку зрения поддерживал Бласс, принимая время составления речи в период между 356—351 гг. до н. э. Эд. Мейер, У. Виламовиц и другие относят ее к 366/5 г. в соответствии с ее содержанием. Такая датировка несомненно правильна.

В сущности «Архидам» — агитационный памфлет, вызванный политической ситуацией того времени и направленный против демократических движений в защиту прав частной собственности состоятельных граждан.

СОДЕРЖАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ АВТОРОМ

После битвы при Левктрах фиванцы совершали набеги на Лакедемон и многократно его опустошали, так что и лакедемонянки, встретив постоянно обращавшихся в бегство лакедемонян, сказали им: «Неужели мы должны вторично спрятать вас в своем чреве?». И вот (лакедемоняне) объединившись, одержали победу при Мантинее при поддержке прекрасной афинской конницы. После битвы при Мантинее лакедемоняне отправили послов к фиванцам, добиваясь у них мира. Фиванцы дали им обещание сохранять спокойствие, если они восстановят Мессену и предоставят ей автономию. В то время, как другие советовали лакедемонянам восстановить Мессену, Архидам Младший советует лакедемонянам не восстанавливать. Родословная же Архидама Младшего такова: у Зевксида родился Архидам, у Архидама — Агис, у Агиса — Агесилай, у Агесилая — Архидам. Одни говорят, что Архидам получил речь от Исократ, послав за нею в Афины; другие же утверждают, что эта речь представляет собой риторическое упражнение Исократ на тему, какую речь произнес бы Архидам, давая совет лакедемонянам. Таково содержание речи, основа речи — фактическая, главное же в ней — польза.

* * *

(1) Быть может, некоторые из вас удивляются тому, что я, соблюдавший до сих пор установления нашего города с такой тщательностью, как, по-моему, никто другой из моих ровесников, настолько изменился, что,

* Перевод Е. А. Миллиор.

¹ К сожалению, речь Алкидаманта не сохранилась.

несмотря на свою молодость ², выступил вперед и собираюсь дать совет относительно вещей, о которых и старшие не решаются говорить.

(2) Однако я и сейчас продолжал бы хранить полное молчание, если бы кто-нибудь из ораторов, обычно обращающихся к вам в народном собрании, сказал нечто достойное нашего города. Между тем я вижу, как одни соглашаются с тем, что велят нам наши враги, другие сопротивляются, но без достаточной энергии, некоторые же совершенно замолкли. Поэтому я поднялся, чтобы высказать свое собственное мнение относительно этого, считая постыдным ради соблюдения установленного для моего возраста положения в обществе пренебречь тем, что город вынесет решение, не соответствующее его достоинству.

(3) Я полагаю, если о других вещах людям моего возраста действительно приличнее молчать, то по вопросу войны и мира должны давать советы в особенности те, кому в наибольшей мере предстоит подвергнуться опасностям войны. К тому же способность судить о полезном присуща в такой же степени и нам, молодым.

(4) На самом деле, если было бы доказано, что старшие всегда знают, что именно является наилучшим, молодые же ни в чем не в состоянии разобраться правильно, то было бы справедливо лишить нас права давать советы. Поскольку же в умении судить о вещах верно мы разнимся друг от друга не количеством прожитых лет, а природной одаренностью и усердием, то почему бы не использовать опыт обоих поколений, чтобы вам было возможно из всех высказываний выбрать самое выгодное? (5) Я удивляюсь тому, что люди, доверяющие нам вести триэры и командовать войском ³ (хотя при ошибке в этих делах мы могли бы принести многочисленные тяжелые бедствия городу), тем не менее думают, что мы не должны высказывать своего мнения по поводу решений, которые вам надо принять. Между тем, если мы при этом исправим ваше мнение, мы принесем всем вам пользу. Если же разойдемся с вами, то, хотя и упадем в ваших глазах, не причиним вреда государству.

(6) Право же я говорю об этом не потому, что мне пришла охота произносить речи или изменить свой прежний образ жизни; но я хочу убедить вас не пренебрегать ни тем, ни другим поколением, а среди всех искать такого человека, который был бы способен дать достойный совет относительно нынешних обстоятельств. (7) Ведь с тех пор, как наш народ населяет этот город, у нас не бывало такого опасного положения и не бывало войны, которая затрагивала бы столь существенные интересы, как те, ради обсуждения которых мы собрались. Прежде мы боролись за утверждение нашей власти над другими народами, теперь мы боремся за то, чтобы не выполнять чужих повелений, а это и есть признак независимости, ради которой можно перенести все самое страшное не только нам, но и другим людям, если они не полностью лишены мужества и хоть сколько-нибудь претендуют на доблесть. (8) Я же лично предпочел бы скорее умереть на месте, не подчинившись предписанному, чем намного продлить свою жизнь сверх положенного мне срока, проголосовав за то, что нам приказывают фиванцы ⁴. Ибо я, потомок Геракла ⁵, сын ныне правящего царя ⁶, и по всей видимости сам в будущем носитель такого же сана, стыдился бы

² Спартамцам в возрасте до тридцати лет запрещалось появляться в общественных местах (Plut., Lys., 25).

³ Архидам командовал войском в битвах в 371 г. и в 368 г. См. Х е п., Hell, VII, 1; VI, 4.

⁴ Требования Фив опирались на условия так называемого Анталкидова мира (Х е п., Hell., VII, 1, 36—37; ср. I s o c r., Paneg., 176).

⁵ Спартацкие цари считались потомками Геракла (см. I s o c r., Paneg., 62).

⁶ Архидам получил царскую власть после смерти своего отца Агесилая в 361 г.

остаться равнодушным к делу, которое касается и меня, а именно к тому, что землей, которую передали нам наши отцы, будут владеть наши рабы ⁷. (9) Я полагаю, что и вы придерживаетесь такого же мнения, приняв во внимание следующее: до этого дня казалось, что в войне с фиванцами нас постигла неудача ⁸, но мы были побеждены лишь физически, вследствие ошибки командующего ⁹, дух же наш и ныне не сломлен. (10) Однако же если в страхе перед грядущими опасностями мы отдадим хотя бы частицу из принадлежащего нам, то поддержим хвостовство фиванцев и сами воздвигнем над собой трофеи более величественные и более славные, чем те, что были воздвигнуты при Левктрах: те трофеи — памятник нашей неудачи, эти же станут свидетельством нашей душевной слабости. Пусть же никто не убедит вас покрыть родину таким позором!

(11) Между тем наши союзники с чрезмерным рвением советуют нам, отдав Мессению, заключить мир. И по справедливости вы могли бы негодовать на них еще в большей степени, чем против тех, кто с самого начала отпал от нас ¹⁰. Ведь отказавшись от нашей дружбы, они обрекли на гибель свои собственные города, ввергнув их в гражданские распри, междоусобную резню, установив у себя негодный политический строй ¹¹, а нынешние наши союзники намереваются причинить зло нам. (12) Ту славу, которую наши предки приобрели за семьсот лет ¹² в многочисленных опасностях и передали нам, — эту славу они уговаривают нас тотчас отбросить. Разве могли они придумать несчастье для Лакедемона более унижительное и ужасное, чем это! (13) Они дошли до такого бесстыдства и приписывают нам такое малодушие, что после того, как сами не раз просили нас воевать ради защиты их территорий ¹³, считают, что мы не должны идти на риск ради Мессении; для того чтобы спокойно возделывать свою собственную землю, они пытаются убедить нас, будто нам следует уступить врагу часть нашей земли. Больше того, они еще грозятся, если мы не пойдем на это, заключить с врагами сепаратный мир! (14) Я же полагаю, что без их участия предстоящее нам испытание станет не настолько тяжелее, насколько прекраснее и почетнее в глазах всех людей, так как попытка без чужой помощи, собственными усилиями спасти себя и одолеть врагов согласуется с прочими деяниями Спарты.

(15) Прежде я никогда не находил удовольствия в речах, напротив, всегда считал, что тот, кто тратит время на слова, менее способен на дела. Теперь же я ничего не ценил бы выше способности изложить свои мысли о предмете нашего обсуждения так, как мне хочется. Ибо в настоящих обстоятельствах я надеюсь именно таким образом принести величайшую пользу нашему городу. (16) Прежде всего, я думаю, нужно вам объяснить, каким образом мы овладели Мессенией и по какой причине вы посетились в Пелопоннесе, будучи в древние времена дорийцами. Поэтому я начну издали, чтобы вы поняли, что ¹⁴ они пытаются отнять у вас ту

⁷ Спартанцы, захватив Мессению, превратили ее жителей в бесправных илотов (см. Рауш., IV, 23, 4; 24, 2). Отпадение Мессении от Спарты возвращало им свободу.

⁸ Имеется в виду битва при Левктрах (371 г. до н. э.).

⁹ Ответственность за поражение в битве при Левктрах возлагалась на царя Клеомброта.

¹⁰ Имеются в виду аркадяне, действовавшие в союзе с Фивами в 370 и 369 г. против Спарты (см. Хен., Hell., VI, 5, 23), аргосцы и элейцы.

¹¹ Гражданские распри и политические перевороты в это время имели место в Аркадии, Аргосе, Сикионе, Элиде, Флиунте (см. Хен., Hell., VII, 1—4). Под «негодным» государственным строем Архидам понимает демократию.

¹² «Семьсот лет» — округленное число для периода с 1104 г., традиционной даты захвата Спарты сыновьями Геракла, и временем Архидам.

¹³ В особенности Коринф и Флиунт (см. Хен., Hell., IV, 4, 7 и 15).

¹⁴ Эти вместе с G. Mathieu и G. Norlin, *loc. cit.* — Benseler.

землю, которой вы владеете с не меньшим правом, чем остальной территорией Лакедемона.

(17) После того как Геракл преставился, превратившись из смертного в божество, его сыновья из-за могущества их врагов¹⁵ были обречены на многочисленные странствования и опасности. Когда же Эврисфей умер, они поселились среди дорийцев. Их потомки в третьем поколении¹⁶ пришли в Дельфы, желая о чем-то спросить оракул. Однако Аполлон не дал ответа на заданный вопрос, а велел им идти в землю их отцов. (18) Обдумав это изречение бога, они решили, что им принадлежит, во-первых, Аргос по праву наследования, ибо после смерти Эврисфея они оказались единственными потомками Персея¹⁷, во-вторых, Лакедемон в качестве дара, ибо когда лакедемонский царь Тиндарей¹⁸, после того как его сыновья Кастор и Полидевк перестали существовать среди людей, был лишен власти, Геракл вернул его в Лакедемон и получил эту область в качестве награды за оказанное благодеяние, а также из-за родства между ним и сыновьями Тиндарея¹⁹; (19) в-третьих, им принадлежит Мессения по праву победителя, ибо Геракл, ограбленный Нелеем и его сыновьями (за исключением Нестора), отнявшими у него коров, которых он увел у Гериона из Эритей²⁰, захватил Мессену силой, виновных убил, а Нестору вернул город, считая его разумным за то, что он, несмотря на свою молодость, не принял участия в преступлении отца и братьев. (20) В таком смысле истолковав изречение Аполлона, они, взяв в союзники ваших предков, составили войско, причем отдали тем, кто последовал за ними, в общее владение свои собственные земли, а от них взяли себе²¹ в качестве избранной награды право на царскую власть. Затем они укрепили это соглашение взаимными клятвами в верности и отправились в поход. (21) Я не буду тратить времени на описание опасностей и различных событий, как не имеющих отношения к данному вопросу. Победив на войне жителей тех местностей, о которых было сказано, они разделили свои царства на три части²². И вот вы, жители Спарты, вплоть до нынешнего дня сохраняете верность клятвам и договорам, которые вы заключили с нашими предками. (22) Поэтому и в прошлом вам жилось лучше, чем другим эллинам, и в будущем ваши дела, нужно полагать, будут обстоять лучше, чем теперь, если вы останетесь верны себе. Мессенцы же дошли до такого нечестия, что коварно убили Кресфонта, основателя их государства, господина этой страны, потомка Геракла, их предводителя. (23) Его сыновья, избежав опасности, оказались в нашем городе в качестве просителей, умоляя заступиться за умершего и предлагая нам страну. Снова спросив бога и получив указание принять ее и отомстить убийцам Кресфонта, вы осадили мессенцев и так овладели этой страной.

(24) Конечно, я не во всех подробностях изложил наши изначальные

¹⁵ Ср. *Isocr.*, *Paneg.*, 54—58.

¹⁶ См. *Apollod.*, *Bibl.*, II, 8; *Paus.*, V, 3.

¹⁷ Согласно традиции Сфенел, отец Эврисфея, и Электрион, отец Алкмены, — сыновья Персея.

¹⁸ Тиндарей, сын Перипереса и дочери Персея Горгофоны, царь Лакедемона, был лишен власти и изгнан своим сводным братом Гиппокоантом и его сыновьями (см. *Apollod.*, III, 10, 5).

¹⁹ Кастор и Полидевк — сыновья Зевса (по другой версии только Полидевк). Таким образом, они в родстве с сыном Зевса Гераклом (см. *Apollod.*, III, 11, 2).

²⁰ Эритей, мифический остров вблизи Гадеса, местопребывание Гериона. Увод коров Гериона — десятый подвиг Геракла на службе у Эврисфея (*Apollod.*, II, 5, 10).

²¹ По *Ambr. abtois* — это чтение принимают *Benseler* и *Mathieu*; *Norlin* — *abtois*.

²² Завоеванные царства распределили по жребью. Аргос достался Темену, Прокл и Эврисфей, братья-близнецы, получили Лакедемон, Кресфонт — Мессену (см. *Apollod.*, II, 8, *Paus.*, IV, 3).

права, ибо сейчас не время углубляться в предания, так что мне пришлось предпочесть более краткий рассказ более ясному. Тем не менее я полагаю, из сказанного для всех стало очевидным, что той землей, которая нам принадлежит по всеобщему признанию, мы владеем на основании такого же права, как и той землей, которая является предметом спора: мы живем в этой земле, потому что она была дана нам Гераклидами, потому что так приказал Аполлон и благодаря победе над ее обитателями; и Мессенией мы владеем на основании такого же дара Гераклидов, получив ее таким же образом и с соизволения того же бога. (25) Разумеется, если мы настроены так, чтобы не возражать ни по одному пункту, даже если бы нам приказали покинуть Спарту, то было бы излишним беспокоиться и о Мессении. Однако если никто из вас не согласился бы жить, лишившись отечества, то и относительно Мессении следует придерживаться такого же мнения. Ибо мы можем выдвинуть одни и те же законные основания и привести одни и те же доводы в пользу обладания той и другой территорией.

(26). Ведь вам хорошо известно, что имущество, как частное, так и общественное, считается наследственным и бесспорным, если находилось в руках владельца в течение длительного времени²³. Мы же овладели Мессенией раньше, чем персы основали свое царство и утвердили свою власть над материком²⁴, и раньше, чем были основаны некоторые из эллинских городов. (27) И несмотря на это, фиванцы предоставляют Азию персидскому царю на том основании, что она является его наследственной собственностью, хотя персидскому царству нет еще и двухсот лет, от нас же они отнимают Мессению, хотя мы владеем ею вдвое дольше²⁵. Совсем недавно они разрушили Феспии и Платею²⁶, а Мессену они намерены отстроить заново и заселить, хотя истекло четыреста лет со дня ее разрушения, причем и то, и другое делается вопреки клятвам и договорам²⁷. (28) Хотя бы они вернули в Мессену настоящих мессенцев! Конечно, и в этом случае они поступили бы несправедливо, но по крайней мере обидели бы нас под более благовидным предлогом. Но они поселяют у наших границ илотов! Так что самым ужасным является не то, что мы лишимся этой земли вопреки нашему праву, но то, что мы увидим, как наши собственные рабы стали ее господами.

(29) Из последующих рассуждений вам станет еще яснее, что и ныне мы терпим страшную несправедливость и прежде на законном основании владели Мессенией. Ведь не раз и в прошлом нам угрожали опасности, и мы бывали принуждены заключать мир, так как находились в худшем положении, чем наши противники²⁸. (30) Однако несмотря на то, что договоры тогда заключались в обстоятельствах, при которых невозможно было притязать на какие-либо преимущества, и возникали разногласия по некоторым другим пунктам, все же ни персидский царь, ни город Афины никогда не упрекали нас в том, будто мы владеем Мессенией противозаконно. Можно ли найти более убедительное решение спора относительно права, чем признание наших врагов, да еще в обстановке, неблагоприятной для нас?

(31) Что касается оракула, который является, как все согласятся, наиболее древним, наиболее беспристрастным и достойным доверия, то

²³ Это положение не имело юридической силы, но являлось моральным предписанием.

²⁴ Кир стал правителем Персии в 559 г.

²⁵ См. Paus., IV, 4.

²⁶ Платея была разрушена около 372 г., Феспии вскоре после этого (см. Diod., XV, 46, 4; Ael., Var. VI, 3, 1).

²⁷ Имеются в виду условия Анталкидова мира (Isocr., Paneg., 115).

²⁸ Никиев мир 421 г. (Thuc., V, 18), Анталкидов мир и сепаратный мир между Афинами и Спартой (Xen., Hell., VI, 2, 1).

он признал наше право на Мессению не только тогда, когда сыновья Крессфонта отдали ее нам и он велел принять дар и помочь обиженным, но и позже, когда война затянулась, и обе стороны направили послов в Дельфы. Противники наши молили бога о спасении, мы же спросили оракул о том, каким способом в кратчайший срок овладеть городом. Нашим противникам бог не дал ответа, так как их просьба не была справедливой, нам же указал, какие следует принести жертвы и откуда призвать помощь²⁹. (32) Можно ли представить свидетельство более авторитетное и более ясное, чем это? Во-первых, очевидно, что мы получили эту землю от ее владельцев (ничто ведь не мешает снова кратко перечислить факты); во-вторых, мы овладели ею в результате войны, а в те времена большинство городов именно так основывались; далее, изгнав тех, кто поступил нечестиво с сыновьями Геракла, причем преступники справедливо были изгнаны за пределы обитаемой земли; наконец, и длительность владения, и суждение наших врагов, и изречения бога — все вместе подтверждает, что земля эта законно принадлежит нам. (33) Каждый из этих фактов достаточен сам по себе для опровержения доводов тех, кто осмеливается обвинять нас в том, будто мы из корыстолюбия не заключаем мира теперь или из притязаний на чужую территорию вели войну против Мессении тогда. Пожалуй, можно было бы привести еще больше доводов в пользу права нашего владения, однако, я полагаю, и сказанного достаточно.

(34) Те, кто советует нам заключить мир, говорят, что людям разумным не следует иметь одинаковый взгляд на вещи при счастливых и при несчастных обстоятельствах, но надо принимать решения соответственно данному положению дел, приспособляться к ходу событий и не ставить себе целей свыше возможностей. При нынешних же тяжелых обстоятельствах следует стремиться скорее к полезному, чем к справедливому. (35) Что касается всего прочего, то с этим я согласен, но никто не мог бы убедить меня считать что-либо более полезным, чем справедливость. Ведь я вижу, что и законы ради нее издаются и благородные мужи ревнуют о ней, и благоустроенные государства больше всего о ней заботятся, (36) также исход всех бывших войн определялся не в соответствии с силой, а в соответствии с правом. Словом, жизнь людей вообще порочностью разрушается, добродетелью же сохраняется. Так что пусть не падают духом те, кто готов сразиться за правое дело, а скорее пусть опасаются насильники и те, кто не умеет соблюдать меру при удаче. (37) Затем следует принять во внимание и следующее: мы все в настоящее время держимся одинакового мнения о том, что справедливо, относительно же того, что именно для нас полезно, мы спорим. Если налицо два блага, причем одно из них совершенно ясное, другое же сомнительное, то разве не поступили бы вы смешно, если бы общепризнанное благо отвергли, а спорное решили бы предпочесть, в особенности когда выбор имеет такое важное значение? (38) Ведь следуя моим предложениям, вы не должны отказываться ни от одной пяди своих владений, и вы не покроете позором наш город, но сможете надеяться, что, борясь за правое дело, вы будете сражаться лучше, чем ваши противники; следуя же предложениям сторонников заключения мира, вы немедленно отказываетесь от Мессении³⁰; допустив с самого начала себе во вред эту ошибку, вы, быть может, не достигнете ни полезного, ни справедливого, словом, ничего из того, чего вы ожидаете. (39) И ведь совершенно еще не ясно, достигнем ли мы прочного мира, если и выполним

²⁹ По преданию Афины во время второй Мессенской войны послали в Спарту поэта Тиртея в ответ на просьбу об оказании помощи (Paus., IV, 15).

³⁰ Мессения фактически получила независимость в 369 г. Оратор имеет в виду признание нового государства *de jure*.

предписания. Я думаю, для вас не тайна, что все люди имеют обыкновение обсуждать справедливые условия договора с теми, кто защищает свои права; к тем же, кто слишком охотно подчиняется приказам, предъявляют еще большие требования, чем было первоначально задумано. Так что тот, кто настроен воинственно, получает лучшие условия мира, чем легко идущие на соглашения. (40) Однако чтобы не казалось, будто я слишком долго рассуждаю на эту тему, я, отложив в сторону все подобные соображения, обращусь к прямым доказательствам своей мысли. В самом деле, если бы никогда не случилось народу после неудачи воспрянуть духом и одолеть своих врагов, то, естественно, и у нас не было бы надежды одержать на войне победу; если же, напротив, часто бывало, что более сильная сторона оказывалась побежденной более слабым противником и ведущие осаду погибали от рук осажденных ³¹, что удивительного, если и наши нынешние дела примут другой оборот?

(41) Я не могу привести подобного примера из истории нашего города, так как на его территорию никогда еще не вторгнулся враг, превосходящий нас силой ³², но существует много свидетельств тому в истории других государств, в особенности же Афин. (42) Мы найдем, что они вызвали упреки со стороны эллинов из-за своей власти над другими государствами, но обрели добрую славу у всех людей, отразив наглых захватчиков.

Если бы я захотел остановиться на опасностях, которым они подвергались в древности в борьбе против амазонок, фракийцев или пелопоннессцев ³³, которые вторгнулись на их землю под предводительством Эврисфея, то, пожалуй, показалось бы, что я говорю о слишком стародавнем и далеком от нынешних дел. Но кто же не знает, с какого несчастья они начали войну с персами, чтобы подняться затем до такого процветания? (43) Ведь только они из всех эллинов, живущих за пределами Пелопоннеса, хоть и видели, что сила варваров непреодолима, не стали обсуждать их требований и тотчас предпочли разрушение своего города — рабству. Покинув страну и считая своим отечеством свободу, они разделили с нами опасности; после этого они испытали такую перемену судьбы, что, утратив опасности; после этого они испытали такую перемену судьбы, что, утратив несколько дней свои владения ³⁴, затем на долгое время установили свою власть над другими. (44) Не только на истории этого города можно показать, как отважное сопротивление врагам является источником великих благ. Тиран Дионисий, например, однажды оказался в окружении осаждавших его карфагян; не было никакой надежды на спасение; когда же он, подавленный трудностями войны и враждебным отношением граждан к нему, решил спастись бегством, отплыв на корабле, один из его друзей решился сказать ему: «Прекрасный саван — единоличная власть» ³⁵. (45) Пристыженный этими словами, Дионисий изменил свое намерение и, возобновив войну, уничтожил великое множество карфагян, а над гражданами установил еще более твердую власть, приобретя могущество, значительно превосходящее первоначальное. Закончил он жизнь как единоличный правитель, передав сыну тот же сан и власть, которыми пользовался сам.

(46) Подобным же образом поступил и македонский царь Аминта. Потерпев поражение в битве с живущими по соседству варварами, лишившись всей Македонии, он сперва задумал покинуть страну, чтобы спасти жизнь, но услышав, как кто-то восхвалял Дионисия за действия, о кото-

³¹ Вместе с Mathieu и Norlin опускаю *καταδεστέρων*.

³² До похода Эпаминонда 369 г. ни один противник не совершал победоносного вторжения в Спарту.

³³ Ср. Isocr., Paneg., 56—63 и 68.

³⁴ Вместе с Mathieu *τῆς αὐτῶν*.

³⁵ Т. е. «прекрасно сохранить власть вплоть до дня смерти».

рых я рассказал, подобно ему изменил свое решение, захватив клочок земли и оттуда призвав помощь, он за три месяца овладел всей Македонией. Остальное время он царствовал и умер в глубокой старости ³⁶.

(47) Если бы мы захотели перечислить все подобные случаи, то утомились бы, вы — слушая, а я говоря об этом. Все же припомним еще событие, связанное с Фивами. То, что произошло в прошлом, могло бы огорчить нас, зато будущее внушает лучшие надежды. В самом деле, они имели смелость выдержать наши вторжения ³⁷ и угрозы, а затем удача настолько изменила их положение, что они, находившиеся в прошлом под нашей властью, теперь считают себя вправе отдавать нам приказания.

(48) Тот, кто, наблюдая подобные перемены обстоятельств, думает, что с нами это не произойдет, — совсем неразумен. Поэтому нам следует быть стойкими в настоящее время и с мужеством смотреть в будущее. Ведь мы знаем, что государства преодолевали подобные несчастья благодаря правильному государственному устройству и опыту в военном деле. Но никто не посмеет отрицать, что военным опытом мы превосходим других эллинов, государственный же строй только у нас именно таков, каким он должен быть. При таких предпосылках невозможно, чтобы мы не оказались в лучшем положении, чем те, кто не заботился ни о том, ни о другом.

(49) Существуют же, однако, люди, которые осуждают войну и указывают на сопряженный с нею риск. Для подтверждения они приводят много различных примеров, в том числе из нашего собственного опыта. Они выражают удивление, как некоторые решают довериться столь трудному и рискованному средству. Я же знаю, что многие народы именно в результате войны достигли большего процветания, другие же в результате мира потеряли то, чем обладали прежде. (50) Война и мир сами по себе — ни добро, ни зло, но результат того и другого неизбежно будет соответствовать тому, как повести себя при соответствующих условиях и обстоятельствах. Тот, кто преуспевает, должен жаждать мира, так как при мире возможно сохранить на наибольший срок свое благополучие, напротив, в несчастных обстоятельствах следует обратить свои помыслы к войне, ибо вследствие вытекающих из нее беспорядков и новшеств скорее всего случаются перемены. (51) Я боюсь, однако ж, как бы не оказалось, что мы поступаем как раз наоборот: когда у нас была возможность жить в довольстве, мы вели больше войн, чем того требовала необходимость, когда же мы очутились перед неизбежностью риска, мы захотели покоя и рассуждаем об осторожности. Между тем народ, желающий быть свободным, должен остерегаться договоров, заключаемых по предписанию, так как они близки к рабскому подчинению. Он может идти на мир либо нанеся поражение врагу, либо уравнив с его силами свои силы. В соответствии с тем, как будет закончена война, будут находиться и условия мира.

(52) Обдумав это, следует не связывать себя слишком поспешно постыдными соглашениями. Пусть не покажется, что судьбу отечества мы решаем более легкомысленно, чем другие вопросы. Вспомните: в прошлом, если один единственный лакедемонянин приходил на помощь какому-нибудь городу наших союзников, который подвергся осаде, то все соглашались, что именно ему город бывал обязан своим спасением. О большинстве подобных мужей можно услышать от стариков. О самых же знаменитых из них я сам хочу вам рассказать. (53) Педарит ³⁸, например, приплыл из Хиосу, спас город. Брасид же вступил в Амфиполь, отобрал небольшое число осажденных и в битве одержал победу над осажда-

³⁶ Аминта (399—370 гг.), отец Филиппа, потерпев поражение в борьбе с иллирийцами, затем выиграл войну в 393 г. (D i o d., 42, 3).

³⁷ Агесилая в 394, 378, 377 гг., Фебида в 382 г., Клеомброта в 378 и 376 гг.

³⁸ Педарит — спартанский гармост на Хиосе в 412 г. (T h u c., VIII, 55, 3).

шими ³⁹, несмотря на их многочисленность. Наконец, Гилипп, придя на помощь сиракузянам, не только их спас, но и захватил в плен те вооруженные силы, которые их теснили на суше и на море ⁴⁰. (54) Так разве же не постыдно, что между тем как в прошлом каждый из нас в отдельности был в состоянии защитить чужие города, в наше время мы все вместе не можем и даже не пытаемся спасти наш собственный город? И разве не постыдно, что, сражаясь в защиту других, мы наполнили Европу и Азию трофеями, а в защиту собственного отечества, столь открыто оскорбляемого, мы, как это все видят, не дали ни одного достойного упоминания сражения? ⁴¹ (55) И, наконец, в то время как другие города ⁴² выдерживали крайности осады, отстаивая господство нашего государства, мы не хотим даже небольших страданий ради того, чтобы освободить себя от необходимости действовать вразрез со своим правом. Разве это не постыдно? И хотя всем известно, что мы и теперь еще выращиваем коней для ристаний, мы, тем не менее, готовы заключить мир, как люди, доведенные до крайней степени бедности и нуждающиеся в самом необходимом. (56) Плачевнее же всего будет, если мы, слывущие самыми стойкими среди эллинов, проявим при обсуждении нашего положения больше малодушия, чем другие. Существует ли народ, достойный упоминания, который, потерпев поражение в одной единственной битве и испытав одно единственное вторжение ⁴³ в свою страну, так трусливо согласился бы подчиниться всем предъявляемым требованиям? И мог ли бы подобный народ сохранить присутствие духа при длительных неудачах? (57) Мессенцы в течение двадцати ⁴⁴ лет подвергались осаде, борясь за эту землю, так разве не упрекнут нас все, если мы так скоро потеряем ее на основании договоров и не вспомним о предках, но, убежденные словами, откажемся от той земли, которую они приобрели великими трудами?

(58) Но некоторых это обстоятельство ничуть не тревожит, и они, потеряв всякий стыд, дают нам советы, следуя которым город покрыл бы себя бесчестьем. Эти люди так ретиво побуждают нас отдать Мессению, что имеют дерзость подробно доказывать слабость нашего города и силу врагов. Они предлагают нам, своим политическим противникам, ответить, откуда же мы ожидаем помощи, призывая к войне? (59) Я же полагаю, что самой сильной, самой верной союзницей является справедливость во всех поступках (так как благоволение богов, вероятно, на стороне справедливых, если можно судить о предстоящем на основании прошлого); далее, нашими союзниками являются хороший государственный строй и разумная умеренная жизнь, а также готовность до последней капли крови сражаться с врагами и убеждение, что больше всего следует опасаться дурной славы у сограждан. Все эти качества присущи нам в большей мере, чем другим людям. (60) Эти качества я считал бы на войне более ценными союзниками, чем подкрепление тысячами воинов. Действительно, я ведь знаю, что и те, которые первыми из нашего народа пришли в эту страну, одержали верх над другими не благодаря своей численности, а благодаря тем доблестям, о которых я рассказал. Вот почему недостойно испытывать страх перед врагами из-за их многочисленности. Напротив, нам следует мужаться, видя, что мы так стойко перенесли несчастья, как еще никогда никто из

³⁹ В 482 г. Брасид погиб под Амфиполем (Thuc., V, 8—11).

⁴⁰ Гилипп, посланный Спартой в 414 г. на помощь Сиракузам, осажденным афинянами, одержав победу, захватил в плен афинские вооруженные силы вместе с командующим ими Никием.

⁴¹ Со времени битвы при Левктрах.

⁴² Например, Феспии. См. Xen., Hell., VI, 3; Paus., IX, 14; Diod., XV, 57 и 69.

⁴³ Имеется в виду вторжение Эпаминонда зимой 370/369 г.

⁴⁴ В первой Мессенской войне 743—724 (Paus., IV, 13, 4).

эллинов, и сохранили верность издревле установленным законам и обычаям. (61) А другие между тем, как мы видим, не в состоянии справиться даже со своей удачей и уже приведены в замешательство ⁴⁵; одни захватывают города своих союзников, те оказывают им сопротивление, иные спорят со своими соседями о пограничных землях, иные более завидуют друг другу, чем воюют против нас ⁴⁶. Так что я удивляюсь тем, кто ищет союзника более сильного, чем ошибки наших врагов.

(62) Если же нужно сказать и относительно помощи извне, то найдутся, я полагаю, многие желающие поддержать нас. Прежде всего я сошлюсь на афинян ⁴⁷. Хотя они и не во всем на нашей стороне, но ради нашего спасения сделают все, что угодно. Существуют и другие эллинские города, которые относятся к несчастьям, постигшим Спарту, как к собственным. (63) Наконец, тиран Дионисий ⁴⁸, царь Египта ⁴⁹, правители на территории Азии ⁵⁰ охотно придут нам на подмогу, каждый сообразно со своими возможностями. Кроме того, состоятельные люди из эллинов, обладающие влиянием и стремящиеся к наилучшему государственному строю ⁵¹, хотя еще не объединились между собой, но их сочувствие на нашей стороне, так что, естественно, я могу возлагать большие надежды на их содействие в будущем.

(64) Я думаю, что и простой народ в Пелопоннесе и та демократия ⁵², которую мы все считаем наиболее враждебно настроенной к нам, уже стремятся к нашему заступничеству: ведь их отпадение не осуществило ни одну из их надежд; вместо свободы они получили обратное: потеряв лучших из своей среды, они оказались в зависимости от худших из сограждан, вместо автономии — самое ужасное беззаконие. (65) Раньше они ходили вместе с нами походом против врагов, теперь они видят, как враги вторгаются на их собственную территорию; раньше они только по слухам знали о расприх, происходивших в других местах, теперь чуть ли не ежедневно у них у самих происходят государственные перевороты. Несчастье настолько их всех сравняло, что никто не в состоянии распознать, кто из них находится в самом худшем положении. (66) Нет ни одного неповрежденного города, нет ни одного города, который не пострадал бы от своих соседей ⁵³, так что поля опустошены, города разграблены, государственный порядок и законы, при которых жители этих городов когда-то были счастливейшими из эллинов, уничтожены ⁵⁴. (67) Они относятся друг к другу с таким недоверием и с такой враждебностью, что сограждан боятся более, чем врагов. Вместо бывшего при нашей власти единодушия и взаимной имущественной поддержки, они дошли до такого распада связей между собой, что

⁴⁵ Ср. Хе п., Hell., VII, 1, 23 и далее.

⁴⁶ См. Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, V, § 954.

⁴⁷ Хе п., Hell., VII, 4, 1—3.

⁴⁸ Имеется в виду Дионисий Младший, унаследовавший после смерти отца в 367 г. единоличную власть и продолжавший его политику, благоприятную для Спарты.

⁴⁹ Персия находилась в союзе с Фивами, а фараон добившегося на время самостоятельности Египта, Тах, поддерживал Спарту (Хе п., Ag., II, 27).

⁵⁰ Например правитель Карии Мавсол.

⁵¹ οἱ βέλτιστοι — термин, обозначавший сторонников аристократического строя, τὰ βέλτιστα πράγματα аристократический строй, подобный спартанскому (Хе п., Hell., V, 2, 6).

⁵² τὸν δῆμον — преимущественно обозначает сторонников демократического строя. См., например, Th u s, VI, 89.

⁵³ Benseler: ποιήσαντας вопреки рукописной традиции ποιήσαντας, которую принимают Mathieu и Norlin. Контекст показывает, что оратор сообщает о совершившихся несчастьях, а не о предстоящих.

⁵⁴ Ахейцы (P o l y b., II, 38, 6) и мантинейцы (A e l., Var., II, 22) заслужили известность своими законами. В результате походов Эпаминонда и движений народных масс эти законы были уничтожены. О политических переворотах см. Хе п., Hell., VII, 1, 44; D i o d., XVI, 65.

люди состоятельные охотнее бросили бы свое имущество в море, чем оказали бы помощь нуждающимся, а бедные меньше обрадовались бы находке клада, чем возможности силой захватить имущество богатых. (68) Прекратив жертвоприношение на алтарях, люди, точно жертвенных животных, закалывают друг друга ⁵⁵. Сейчас можно встретить больше изгнанников из одного города, чем прежде из всего Пелопоннеса. И хотя я рассказал о множестве бедствий, постигших Пелопоннес, в действительности их гораздо больше. Ибо не существует таких ужасов и страданий ⁵⁶ на свете, которые не встретились бы здесь. (69) Одни ими уже сыты по горло, другие вскоре пресытятся и будут искать избавления от них. Не воображаете же вы, что люди согласятся и впредь жить ⁵⁷ в таких условиях? Ведь если некоторые устают и в благополучии, смогут ли они стойко выдержать длительный период бедствий? Так что не только в случае войн мы окажемся победителями, но если мы сохраним спокойствие и выдержку, вы увидите, как они изменятся и будут считать союз с нами своим спасением. Вот какие надежды я питаю.

(70) Я так далек от того, чтобы выполнить хоть что-нибудь из требований наших врагов, что если бы даже ничего не осуществилось из этих надежд и ниоткуда не пришла бы помощь, а напротив, некоторые эллины обидели бы нас, другие же остались бы равнодушными, я и в этих обстоятельствах не изменил бы своего решения. Я подверг бы себя всем опасностям войны, прежде чем пойти на это соглашение. Ведь мне было бы стыдно и в том случае, если бы я обвинил наших предков, будто они отняли землю у мессенцев противозаконно, и в том случае, если бы я признал, что они завладели ею правильно и подобающим образом, а мы, вопреки нашей праву, согласились на какую-нибудь уступку относительно нее. (71) Итак, ни того, ни другого не следует делать, а нужно обдумать, как повести войну соответственно с достоинством нашего города и не покрыть позором как лицецов тех, кто имеет обыкновение петь нам хвалу. Напротив, мы должны проявить себя так, чтобы превзойти все хорошее, сказанное о нас. (72) Таким образом, я полагаю, в дальнейшем не случится ничего хуже того, что мы терпим сейчас. Наоборот, враги наши примут такие решения и совершат такие ошибки, в результате которых положение наше улучшится. Но если бы все же мы обманулись в своих надеждах и нас стали бы теснить со всех сторон, и мы оказались бы не в силах даже город свой удержать, пусть и ужасно то, что я намерен сказать, все же я не поколеблюсь высказать это прямо ⁵⁸, ибо мои соображения более достойны стать известными эллинам и более соответствуют нашему образу мыслей, чем советы, которые нам ⁵⁹ дают некоторые люди.

(73) Я заявляю, что следует отослать из Спарты наших родителей, наших жен, детей и прочее население, одних в Сицилию, других в Кирену или на материк. Все их там встретят с радостью и щедро наделят землей, а также прочими средствами существования, отчасти выражая свою благодарность за полученные ранее одолжения, отчасти в расчете на нашу благодарность за оказанные услуги. (74) Оставив тех из нас, кто хочет продолжать борьбу и способен носить оружие, следует покинуть город и все наше имущество за исключением того, какое мы будем в силах унести с собой, затем занять опорный пункт, как можно более надежный и благоприятный для ведения войны, совершать набеги, грабить и разорять врагов

⁵⁵ Возможно, оратор имеет в виду события в Коринфе 399 г. (X e n., Hell., IV, 4, 3) или в Аргосе 371 г. (D i o d., XV, 58) См. также P a u s., VII, 25.

⁵⁶ ὅτι τῶν δεινῶν вместе с Mathieu и Norlin.

⁵⁷ Benseler μένειν, Mathieu и Norlin μένειν.

⁵⁸ Ср. T h u c., I, 81.

⁵⁹ Придерживаюсь чтения Norlin.

как на суше, так и на море до тех пор, пока они не прекратят спор относительно принадлежащего нам. (75) Если у нас хватит отваги на это, если мы не станем колебаться, вы увидите, как те, кто сегодня диктуют нам условия, придут к нам с мольбами и будут просить нас принять обратно Мессению и заключить мир.

Какое из пелопоннесских государств могло бы выдержать такую войну, которая, вероятно, возникла бы, если бы мы того захотели? Какое из них не было бы охвачено изумлением и страхом перед собравшимся войском, которое совершило такие дела, которое воодушевлено справедливым гневом против виновников этих крайних мер, доведено до отчаянной решимости и презрения к собственной жизни? (76) Перед войском, которое к тому же было бы свободно от повседневных забот и занято исключительно войной, перед войском, похожим во всем на отряд наемников, но обладающим такой доблестью и такой подготовкой, как ни одно кем-либо созданное войско? Перед войском, независимым от какой бы то ни было государственной власти, способным располагаться под открытым небом, передвигаться в любом направлении? Перед войском, которое легко оказывалось бы в соседстве с кем бы ни захотело, и которое всякую местность, пригодную для ведения войны, считало бы своим отечеством? (77) И вот я думаю, стоит только облечь в слова подобный план и сделать его известным среди эллинов, как враги наши придут в смятение, а в особенности, если мы будем к тому же принуждены привести его в исполнение. Представьте себе (78) их душевное состояние, если сами они окажутся в тяжелом положении, а нам не смогут причинить вреда? Если они увидят свои собственные города в осаде ⁶⁰, между тем как наш город в результате принятых мер никогда не испытает подобного несчастья? И если к тому же они увидят, что нам легко снабжать себя средствами к существованию из собственных запасов и из военной добычи, им же, напротив, трудно, так как не одно и то же заботиться о подобном войске или прокормить население города? (79) Но самым горьким было бы для них сознавать, что наши домашние живут в полном довольствии и видеть, как их собственные семьи повседневно нуждаются в самом необходимом и однако ж быть не в силах облегчить их страдания; видеть, что, обработав поля, они теряют и семена, и урожай, но понимая, что оставив землю невзраданной, они совсем не смогут выдержать войну. (80) Но, может быть, сплотившись и создав мы войско, они станут преследовать нас и препятствовать тому, чтобы мы причиняли им вред. Однако же, чего мы могли бы пожелать более горячей, чем встретить выстроившихся против нас для сражения в той же неудобной местности людей недисциплинированных, отовсюду набранных и повинующихся разным командирам? Не потребовалось бы большого труда, чтобы быстро заставить их принять бой в условиях выгодных не им, а нам. (81) Не хватило бы оставшейся части дня, если бы мы попытались перечислить все преимущества, которые получили бы при подобном образе действий. Ведь всем известно, что мы одержали верх над эллинами не благодаря размерам нашего государства и не численностью населения ⁶¹, но тем, что установили государственный порядок по образцу войска, хорошо организованного и охотно повинующегося своим командирам. Итак, если мы введем у себя во всей чистоте тот строй, простое подражание которому уже приносило пользу, то, несомненно, мы легко одолеем наших противников.

(82) Мы также знаем, что основатели этого города вступили в Пелопоннес, имея в своем распоряжении лишь небольшое войско и тем не менее

⁶⁰ πολιορκίαν — Mathieu и Norlin.

⁶¹ Число полноправных спартиатов не превышало 10 тыс.

подчинили себе много могущественных городов. Так вот, было бы полезно последовать примеру наших предков, и после того, как мы потерпели неудачу, вернуться к началу нашего пути и попытаться возратить себе почет и власть, которыми мы обладали прежде. (83) Но всего позорнее было бы, если бы зная о том, как афиняне покинули свою землю ради свободы других⁶², мы ради собственного спасения не посмели бы бросить свой город; в то время как мы должны были бы давать другим пример подобных поступков, мы даже не захотели бы следовать примеру афинян. (84) И вот что еще более достойно осмеяния: фокейцы, спасаясь бегством от власти персидского царя, покинули Азию и основали новое поселение в Массалии, мы же дошли до такого малодушия, что готовы подчиниться приказу тех, над которыми неизменно властвовали в прошлом. (85) Не следует, однако, сосредоточивать свое внимание на том дне, в который мы были бы вынуждены отослать от нас самых близких нам людей. Нет, нам следует смотреть вперед⁶³ и представлять себе то время, когда мы, одержав победу над врагами, восстановим наше отечество, вернем назад наши семьи и докажем всем, что и сейчас мы пострадали не по справедливости и в прошлое время справедливо предьявляли права на первенство.

(86) Дело обстоит следующим образом. Я внес эти предложения не с тем, чтобы мы уже теперь их осуществили, и не потому, что нет иного пути спасения, но желая внушить вам убеждение, что и эти несчастья и еще более тяжелые следует выдержать, прежде чем подписать относительно Мессении договор, какой нам приказывают. (87) Я бы не призывал вас к войне так усердно, если бы не видел, что мир, к которому приведет осуществление моих предложений, стал бы почетным и прочным, а мир, к которому приведут предложения кое-каких советчиков, будет не только позорным, но и недолговечным. Ведь если мы поселим возле нашей границы илотов и станем смотреть сквозь пальцы на то, как их город крепнет, кто же не понимает, что мы будем вовлечены в непрестанные волнения и опасности? Так что рассуждающие об осторожности не замечают, что обеспечивают нам мир на короткое время, а войну готовят на вечные времена. (88) Я бы поставил перед этими людьми такой вопрос: во имя чего, по их мнению, следует отдавать свою жизнь в сражениях? Не тогда ли, когда враги предьявляют нам требования, противоречащие нашему праву, отсекают кусок нашей земли, освобождают наших рабов и поселяют их на той земле, которую оставили нам наши отцы, а нас не только лишают собственности, но вдобавок ко всем бедам подвергают бесчестью?

(89) Я же считаю, что ради защиты наших прав возможно перенести не только войну, но изгнание и смерть. Лучше умереть с доброй славой, которой мы всегда пользовались, чем жить в позоре, который навлечем на себя, выполнив то, что приказывают нам. Коротко говоря, лучше быть уничтоженными, чем стать посмешищем наших врагов. Люди, пользовавшиеся таким почетом, обладавшие таким высоким образом мыслей должны выбрать одно из двух: либо занимать первое место среди эллинов, либо погибнуть, не сделав ничего низменного, но завершив свою жизнь доблестным концом!

(90) Поняв это, нужно отбросить малодушие и не слушаться союзников, которые прежде подчинялись нашему руководству; самостоятельно рассмотрев положение вещей, выбрать не то, что легче для них, а то, что достойно Лакедемона и наших прошлых деяний. Ведь об одном и том же не все должны судить одинаково, но каждый в соответствии с теми принципами, которые с самого начала положил в основу своей жизни. (91) Никто не упрекнул бы эпидаврийцев, коринфян или флиасийцев за то, что они толь-

⁶² Принимаю чтение Mathieu: τὸν ἄλλων ἐλευθερίας.

⁶³ Norlin: χρόνους без εὐθύς.

ко и думают, как сохранить жизнь. Лакедемонянам же не пристало думать о сохранении жизни любыми средствами. Им следует предпочесть смерть со славой бесславному спасению. Ибо тем, кто ревнует о доблести, надлежит больше всего заботиться о том, чтобы не совершить чего-либо постыдного. (92) Ведь малодушие государств не в меньшей степени проявляется в подобных решениях, чем в опасностях войны. То, что происходит на поле боя, в значительной мере есть дело случая, но решение, принятое здесь, является свидетельством нашего образа мыслей. Так что нам следует прилагать усилия к достижению победы не в меньшей степени здесь при предстоящем голосовании, чем в борьбе с оружием в руках.

(93) Удивительно, что некоторые люди готовы отдать жизнь ради собственной славы, но меняют мнение, когда дело касается нашей общей славы. Между тем ради нее стоит все претерпеть, чтобы наш город не был опозорен и не утратил почетного положения, которое он занимал при наших отцах. (94) Хотя на нашем пути стоят многочисленные и тяжкие препятствия, которые должны быть преодолены, больше всего нам следует остерегаться того, чтобы не показаться трусами, идущими на уступки врагам вопреки своим правам. Стыдно было бы увидеть, как те, кто был удостоен чести главенствовать над эллинами, выполняют чужие приказания. Насколько бы мы оказались хуже наших предков: они готовы были идти на смерть, желая подчинить других своим приказам ⁶⁴, а мы не осмеливаемся подвергнуть себя риску даже для того, чтобы избавиться от необходимости исполнять чужие повеления.

(95) Пришлось бы краснеть также и при мысли об Олимпийских играх и о других торжественных празднествах, на которых каждый из нас бывал в большей степени предметом зависти и восхищения, чем атлеты, заслужившие победу на соревнованиях. Кто же из нас осмелится посетить их, если вместо прежнего уважения он почувствует к себе презрение, вместо восхищения, заслуженного доблестью, привлечет к себе общее внимание вследствие своей трусости? (96) И вдобавок ко всему он увидел бы, как наши рабы приносят в дар богам первинки плодов от той земли, которую заведовали нам наши отцы, и совершают жертвоприношения пышнее, чем мы, да еще услышал бы едкие насмешки над нами, естественные в устах тех, кто раньше находился в самом тяжелом рабстве, а теперь подписывает достокое страдал бы каждый из нас, видя все это. (97) Вот обстоятельства, которые надо обсудить теперь, чтобы не возмущаться, когда уже нельзя подобного не произошло. В прошлом мы не допускали свободы слова даже для свободнорожденных ⁶⁵, а теперь на виду у всех терпим дерзости со стороны рабов. Не постыдно ли это? (98) Если мы такое допустим, то окажется, что в прошлом мы бахвалились, а по природе ничем не отличались от других людей и только напускали на себя суровость и важность. Не дадим же повода для хулы тем, кто привык нас хулить, напротив, попытаемся опровергнуть их доводы, совершая деяния, подобные подвигам предков.

(99) Вспомним же о тех, кто сражался против аркадян у Дипеи ⁶⁶: они, построенные лишь в одну шеренгу, поставили тысячи трофеев. Вспомните о тех трехстах воинах, которые в битве при Тирее ⁶⁷ одержали победу над всем войском аргивян, и ту тысячу воинов, которые направились

⁶⁴ «Войной, а не речами предпочитают они разрешить недоразумения» (Т h u с., II, 46, 2).

⁶⁵ См. Т h u с., VIII, 84.

⁶⁶ В центральной Аркадии в 472/471 г.

⁶⁷ Битва, которую имеет в виду оратор, произошла около 545 г., но Исократ комбинирует два эпизода ради вящей славы спартанцев (Н е г., I, 82).

к Фермопилам навстречу врагу; (100) столкнувшись с семью сотнями тысяч варваров, они не обратились в бегство и не потерпели поражения, а полегли там, где стояли в строю, с такой доблестью, что самое искусное похвальное слово не может подняться до величия их подвига. (101) Вспомнив обо всем этом, будем еще энергичнее вести войну, не станем выжидать, не избавит ли кто-либо другой нас от этих бедствий. Раз они случились при нас, мы сами должны попытаться положить им конец. Людям благородным следует при подобных обстоятельствах показать свое превосходство над другими людьми. (102) Ведь счастливые обстоятельства прикрывают пороки даже негодных людей; напротив, в несчастье быстро обнаруживается истинная сущность каждого человека. Так что теперь мы, спартанцы, должны показать, лучше ли других мы возвращены и воспитаны для доблести.

(103) Нет ничего невероятного в том, что найдется счастливый исход из нынешнего трудного положения. Вам должно быть хорошо известно, что много раз происходили события, которые сначала воспринимались как несчастья и вызвали всеобщее сострадание к пострадавшим, а позже оказывались причиной величайших благ. (104) К чему говорить далее? Мы и сейчас можем найти, что государства, занимающие первые места в Элладе, я имею в виду Афины и Фивы, достигли своего процветания не во время мира. Напротив, потерпев поражение на войне, они затем снова поднялись, и с этого времени одно из них является гегемоном эллинов, другое же достигло в настоящее время такого могущества, какого никто не мог предвидеть. Не в спокойствии, а в борьбе рождаются почет и слава. (105) К ним-то следует и нам стремиться и ради них не щадить ни тела, ни души, ни своего добра. Ибо если мы восторжествуем и будем в состоянии вернуть нашему отечеству то положение, которое оно занимало до своего падения, то наши деяния вызовут больше восхищения, чем подвиги предков, и мы не оставим нашим потомкам возможности превзойти нас в мужестве. Мы поставим немалые трудности тем, кто, желая воздать нам хвалу, будет искать слов, достойных свершенного нами. (106) Наконец, вы должны помнить, что внимание всего мира обращено к этому собранию и к решению, которое вы примете здесь. Пусть же каждый из вас почувствует себя так, словно он на сцене театра перед лицом всей Эллады готов показать свою истинную сущность.

(107) И все же принять верное решение просто. Если мы захотим отдать жизнь за правое дело, то не только заслужим почет и уважение, но и обеспечим себе в будущем прочный мир. Если же испугаемся риска, то обречем себя на постоянные тревоги. (108) Итак, ободряя друг друга, отблагодарим отечество, вскормившее нас ⁶⁸, и не останемся равнодушными к тому, что Лакедемон подвергается оскорблениям и унижению. Не обманем надежды, возлагаемые на нас нашими друзьями, не покажем себя людьми, ценящими жизнь выше доброго имени.

(109) Взвесив все, мы поймем, что благороднее обменять свое смертное тело на бессмертную славу и, отдав жизнь, которая нам отпущена на немногие только годы, приобрести добрую славу, которая станет вечным достоянием наших потомков, нежели, цепляясь за миг жизни, покрыть себя великим позором. (110) Но, думаю, особенно горячо устремятся ваши мысли к войне, если в своем воображении вы представите себе, будто вы обступили ваши родители и ваши дети, одни, призывая вас не посрамить ни имени Спарты, ни тех законов, в которых мы были воспитаны, ни памяти тех битв, которые произошли при них, а другие, требуя назад землю, перешедшую нам от наших предков, и господствующее положение среди

⁶⁸ Выражение *ἀποδοῦναι τὰ τροφεῖα* обозначает религиозный и гражданский долг по отношению к родителям, с которыми здесь отождествлено отечество.

эллинов, и военную гегемонию, которую мы сами получили в наследство от наших отцов. Ни слова не сможем мы сказать в ответ, ибо как отрицать справедливость требований и тех, и других.

(111) Я не знаю, о чем следует еще подробно распространяться, укажу только на то, что хотя этот город испытал очень много войн и опасностей, однако никогда враги не ставили трофея над нами, если военное руководство находилось в руках царя из нашего дома. Разумным же людям следует относительно грядущих опасностей слушаться советов тех людей, под руководством которых они одерживали в битвах победы.

VII. АРЕОПАГИТИК *

«Ареопагитик» — единственная речь Исократы, полностью посвященная вопросам внутренней организации Афинского государства. Эта речь является по существу политической и экономической программой действий, намеченных оратором для обеспечения афинского могущества или, по словам Исократы, в целях установления «общественной безопасности» (περί σωτηρίας). Речь эта, по-видимому, была произнесена вскоре после окончания Союзнической войны и установления мира. Единственной возможностью Ареопага, которыми тот пользовался еще до времени Солона; отмена выборов по жребию и замена их двухстепенными выборами (отбором лучших и затем выбором среди них); возвращение к форме ограниченной демократии VI в. до н. э. или, во всяком случае, до реформы Эфиальта. Только эти реформы, по его мнению, смогут обеспечить и экономическую мощь Афин: ликвидация нищеты путем возвращения к тому времени, когда богатые и бедные оказывали взаимную поддержку друг другу; тогда бедняки работали, пользуясь помощью богатей, которые предоставляли им возможность земельной аренды, торговые и другие ссуды за умеренные проценты. Эта идиллическая картина взаимной заинтересованности несомненно направлена против характерного для IV в. лозунга бедноты: передела земли и кассации долгов¹.

Даже там, где он имеет в виду гектеморов, он принимает размер арендной платы как 1/6 урожая, вопреки мрачной картине, оставленной Аристотелем в «Афинской политике».

Исократ говорит, что его друзья, ознакомившиеся с его речью еще до ее опубликования, хвалили ее, хотя и опасались того, что ее автор может прослыть врагом народа и сторонником олигархического строя (VII, 57). Следовательно, уже тогда были люди, поддерживавшие эти мысли и планы Исократы. И действительно, как показывают события последующих лет, попытка возрождения полновластия Ареопага имела реальное основание и находила сочувствие в олигархических кругах Афин. Через 17 лет после опубликования речи произошли события, явно отмеченные активизацией сторонников восстановления власти Ареопага.

Расширение полномочий Ареопага сказывается сразу же после битвы при Херонее в 338 г. до н. э. На следующий день после поражения именно Ареопаг провозгласил решение о смертной казни для всякого, кто покинет Афины (ср. Ликург, Против Леократа, 52; Эсхин, Против Ктесифонта, 252). Несколько позже «наилучшие люди» (βέλτιστοι), согласно Плутарху (Фокион, 16), опираясь на поддержку Ареопага, добились выдвижения Фокиона на пост стратега вместо предлагаемого народом Харидема. Из Афинского постановления 337/6 г. следует, что в это время афинской демократии угрожала непосредственная опасность политического переворота, связанного с отменой демократической конституции и восстановлением власти Ареопага (ср. ВДИ, 1963, № 1, стр. 206, надпись № 7).

По-видимому, речь Исократы и его программа хорошо запомнилась его олигархическим сторонникам.

* Перевод К. М. Колобовой.

¹ Ср. Е. А. Миллиор. Исократ и второй афинский морской союз, Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 39, стр. 129 сл.

Вопрос о датировке речи спорен. Если В. Йегер предлагал широкую датировку (между 363—357 гг.), то С. И. Соболевский датировал ее не менее широко как раз следующими годами: 356—350 гг.² Датировка Дж. Матье — первая половина 354 г. до н. э. — нам кажется наиболее аргументированной и наиболее близкой к истине³.

СОДЕРЖАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ АНОНИМНЫМ ГРАММАТИКОМ

В этой речи Исократ советует, чтобы члены Ареопага приобрели вновь прежнюю власть, которая прежде, так сказать, распоряжалась всеми делами города. А утратили они ее по следующей причине: некий Эфпалт и Фемистокл, задолжав деньги городу и зная, что если будут судить члены Ареопага, то им пришлось бы вернуть долг полностью, склонили граждан лишить Ареопагитов власти, поскольку тогда никому больше не придется подвергаться суду (Ареопага), (Аристотель говорит в «Афинской Политии» [XXV], что Фемистокл также был зачинщиком того, чтобы Ареопагиты перестали судить по всем делам), поступая так, как бы из-за Ареопагитов, а на деле устраивая все по названной причине. Тогда афиняне, охотно выслушав такой совет, лишили Ареопагитов власти. Таково содержание речи. Основа речи — фактическая. Главное же в речи — польза. Речь была написана в начале времени [правления] Филиппа, как это показывает ее содержание.

1. Многие из вас, полагаю я, спрашивают себя, — какую именно цель я преследую, выступая здесь перед вами с речью об общественной безопасности⁴, словно над нашим государством нависла угроза или положение его пошатнулось. В действительности же Афины владеют более чем двумястами триер⁵, наслаждаются миром на всей своей территории и сохраняют власть на море⁶. (2) Кроме того, мы имеем многочисленных союзников, готовых в случае нужды прийти к нам на помощь, а еще больше таких, которые платят подать⁷ и выполняют наши приказания. При таких обстоятельствах можно было бы утверждать, что у нас есть все основания чувствовать себя в безопасности, а нашим врагам следовало бы бояться и заботиться о своем спасении.

(3) Я знаю, что теперь, руководствуясь этими соображениями и пренебрегая моим выступлением, вы надеетесь при помощи такого могущества удерживать под своим контролем всю Элладу. Я же обеспокоен и как раз по тем же самым причинам. Ибо по моим наблюдениям города, считающие

² Ср. W. Jaeger, Demosthenes, der Staatsmann und sein Werden. B., 1939, стр. 51. Позже Йегер остановился на датировке 357 годом (ср. «The date of Isocrates Areopagiticus and the Athenian opposition», Athenian Studies Pres. to W. S. Ferguson (1940), стр. 499 сл. С. И. Соболевский в «Истории греч. литературы», т. II, М., 1955, стр. 253.

³ Ср. Isocrates, Discours, v. III, P., 1942 (Coll. G. Budé). Там же приведены все другие точки зрения на время написания Ареопагитика. Точку зрения Матье полностью поддержал Клоше в последней книге об Исократе.

⁴ В подлиннике: *περί σωτηρίας τῆς πόλεως πολιτείας* (ср. § 3, 15, 84) — установившееся выражение для обозначения особой формы выступления оратора перед народным собранием или в Совете 500: оратор должен был заранее точно определить основную тему своей речи в письменном обращении к пританам, которые, в свою очередь, должны были оповестить граждан о теме, которая будет обсуждаться на очередном народном собрании. Исократ придает своей речи, написанной для чтения, форму устного выступления на таком собрании, определяя ее содержание как выступление *περί σωτηρίας*.

⁵ Имеется в виду объединенный флот второго Афинского морского союза, созданного в 378 г. до н. э.

⁶ Этим доводом пользовался оратор и политический деятель Аристофон из Дазенни, выступая против заключения Филократова мира. Ср. Феопомп у Дидима (Didym. Comm. ad. Demosth., Col., VIII, 59 сл.).

⁷ Во втором Афинском морском союзе ненавистное союзникам слово *φόρος* было заменено словом *σύνταξις*, так как с представлением о форосе были связаны тяжелые воспоминания о первом Афинском Морском союзе.

свое положение наилучшим, обычно принимают наихудшие решения, а наиболее уверенные в себе чаще всего вовлекаются в величайшие опасности. (4) Причина этого в том, что ни добро, ни зло никогда не приходит к людям само по себе. Обычно богатство⁸ и могущество сопровождаются безрассудством и своеволием, а бедность и скромность сочетаются с благоразумием и умеренностью. (5) Таким образом, трудно решить, что из этого следовало бы предпочесть, чтобы оставить в наследство нашим детям. Ибо мы видим, как при участи, казавшейся худшей, совершаются дела, ведущие к наилучшему положению⁹, а та участь, которая казалась наилучшей, становится причиной резких изменений к худшему. (6) Я мог бы привести бесчисленные примеры из жизни частных лиц, чьи дела особенно подвержены частым переменам; но случаи, более важные и лучше известные моим слушателям, относятся к событиям, происходившим у афинян и лакедемонян. После разрушения нашего города варварами, понуждаемые страхом перед будущим и обратив пристальное внимание на наши дела, мы возглавили эллинов; когда же мы считали себя непревзойденными, мы едва избежали порабощения¹⁰. (7) И лакедемоняне, некогда вышедшие из ничтожных и бедных городов, овладели всем Пелопоннесом¹¹, но, возгордившись сверх меры и захватив власть на суше и на море, подверглись тем же опасностям, что и мы¹².

(8) Безумен тот, кто, зная о столь больших переменах и о таком быстром впадении в ничтожество столь великой мощи, тем не менее доверяет нынешнему состоянию дел, особенно теперь, когда положение нашего города стало значительно хуже, чем в прежние времена. Снова ожили ненависть к нам среди эллинов и враждебность к царю¹³, обстоятельства, которые заставили нас тогда¹⁴ проиграть войну.

(9) Мне трудно решить, — следует ли полагать, что вы совершенно не заботитесь об общественных делах или дошли до такой потери всякого чувства, что не замечаете, в каком смятении находится наш город. А вы похожи именно на таких людей, — ведь вы потеряли все города во Фракии¹⁵, бесцельно истратили более тысячи талантов на наемников¹⁶, (10) возбудили недоброжелательность к себе эллинов и враждебность варваров. Мало этого, вы вынуждены еще и спасать фиванских друзей¹⁷ ценой потери наших собственных союзников¹⁸. При таких обстоятельствах вы дважды приносите благодарственные жертвы за благоприятные известия¹⁹

⁸ Мысль о богатстве как причине упадка часто встречается в моральных и философских трактатах древних; мысль, что чрезмерное богатство пагубно, встречается уже у Солона (фр. 8) и у Геродота (VII, 102).

⁹ Ср. Archid., 103 сл.

¹⁰ Ср. Paneg., 71—72; Archid., 42 сл.; de Pace, 78.

¹¹ Ср. Paneg., 61; Panath., 253 сл.

¹² Могущество Спарты длилось с 404 г. (конец Пелопоннесской войны) до 371 г. (поражение при Левктрах); тогда афиняне оказали им поддержку. Ср. Phil., 44.

¹³ Ср. § 81.

¹⁴ Имеется в виду поражение афинян в Пелопоннесской войне.

¹⁵ Τα ἐπὶ Θράκης обычно обозначает не только Халкидику, но и греческие колонии на южном побережье Фракии. Филипп овладел Амфинолем, Потидеей, Пидной и Олинфом вместе с его союзниками. Ср. Dem., IV, 4; Dioid., XVI, 8. Эти события датируются 354 г. до н. э.

¹⁶ Во время Союзнической войны.

¹⁷ Подразумеваются мессенцы. Демосфен упоминает о клятве афинян оказывать помощь Мессении в случае агрессии спартанцев. Ср. Dem., XVI, 9.

¹⁸ После окончания Союзнической войны Хиос, Византий и Родос отпали от афинян.

¹⁹ Одно из таких жертвоприношений имело место за победу в 355 г. до н. э., когда отпавший от царя Артаксеркса III Оха сатрап Артабаз призвал на помощь Хареса, в результате чего войско царя потерпело поражение. Щедро вознагражденный сатрапом, Харес послал в Афины 300 жертвенных быков. Ср. Dioid., XVI, 22,2; Dem., XIV. (Речь, характеризующая обстановку нарастающей военной угрозы со стороны персов).

и обсуждаете наши дела с легкомыслием, подобающим лишь тому, у кого все обстоит как нельзя лучше.

(11) Впрочем, совершенно естественно, что мы так поступаем и так рас-
плачиваемся за это: ибо ничто не может произойти надлежащим образом
у тех, кто заранее не принимает правильных решений об управлении сво-
им государством. Даже если эти люди и достигнут успеха в некоторых
предприятиях по счастливой случайности или благодаря доблести како-
го-либо мужа ²⁰, то вскоре они снова испытывают те же затруднения, как
это и видно из событий нашего прошлого. (12) Даже после того, как наш
город утвердил свою власть над всей Элладой, после морской победы Коно-
на и похода Тимофея ²¹, мы не сумели хотя бы на время удержать наше
счастье; мы быстро утратили и разрушили его ²². Ибо у нас нет политики,
которая могла бы заниматься нашими делами как должно. Мы даже не
прилагаем никаких усилий, чтобы создать ее надлежащим образом. (13)
Разве мы не знаем, что успех приходит и остается не у тех, кто возводит
вокруг себя самые красивые и крепкие стены или собирает наибольшее
количество людей в одно и то же место, но у тех, кто лучше и рассуди-
тельнее других управляет своим городом. (14) Политика — душа города ²³.
Она имеет над городом такую же власть, как разум над телом. Она думает
обо всем, сохраняет все полезное и избегает того, что приносит беду.
Это ей служат и законы, и ораторы, и рядовые граждане; и каждый из
них поступает хорошо или плохо в зависимости от своей политики. (15)
А нас ничуть не заботит, что наша политика извращена. Мы и не думаем
искать средства к ее исправлению. Вместо этого, сидя по лавкам ремеслен-
ников, мы осуждаем теперешние порядки и сетуем на то, что никогда еще
при демократии нами не управляли хуже, чем теперь. На самом же деле,
в поступках и в образе мыслей, которых мы придерживаемся, мы любим
в нынешнюю политику больше завещанной нам предками. Вот именно в за-
щиту последней я и намереваюсь говорить, и ради этого я испросил раз-
решение у пританов ²⁴. (16) Я твердо убежден, что лишь эта политика смо-
гла бы не только отворотить грядущие опасности, но и освободить нас от
бедствий нашего времени, если бы мы захотели снова вернуться к той де-
мократии, которую установил Солон, самый демократичный из законода-
телей, и вновь восстановил в ее первоначальном виде Клисфен, изгнавший
тиранов и вернувший власть народу. (17) Мы не могли бы найти другую
политику, более демократичную и более полезную всему городу. И вот до-
казательство наиболее убедительное: при этой политике люди совершили
множество великих и прекрасных подвигов, заслужили славу у всего
человечества и с общего согласия эллинов ²⁵ стали гегемонами Эллады;
те же, кто был приверженцем нынешнего строя, возбудили у всех нена-
висть к себе, испытали много несчастий и лишь с трудом избежали вели-
чайших бедствий. (18) Возможно ли восхвалять и даже любить тот строй,
который и прежде причинил нам много зла, и теперь с каждым годом ста-
новится все хуже? Разве мы не должны бояться, что, если так пойдет даль-

²⁰ Намек на походы Конона и его сына Тимофея, ученика Исократ. Ср. Paneg., 142, 154; Phil., 61—64; Antid., 107 сл.

²¹ В интересах доказательства основной темы Исократ упрощает хронологию, опу-
ская почти весь промежуток между победой Конона при Книде (394), морскими опера-
циями Тимофея (375—373; ср. Antid., § 108—113) и Союзнической войной.

²² Ср. Dioid., XVI, 22.

²³ Ср. Panath., 134, 138; Arist., Pol., 1295a 40; Dem., XXIV, 210.

²⁴ Ср. § 1.

²⁵ Это излюбленное утверждение, обязательно подчеркиваемое в каждой похвале
Афинам в V—IV вв. Ср. § 80; Paneg., 72; De Pace, 76; Panath., 67; De buz., 27;
ср. также Thuc., I, 96; Ps.-Lys., II, 47; Arist., Pol. Ath., 23,2.

ше, мы в конце концов потершим полное крушение, встретив опасности еще больше, чем те, которые угрожали нам в прежние времена.

(19) А чтобы вы могли сделать выбор между этими двумя политиями, подробно ознакомившись с обеими, а не ограничиваясь общими выслушанными вами соображениями, вам нужно отнестись внимательно к тому, о чем я говорю; я же, со своей стороны, постараюсь как можно короче изложить основные характерные черты каждой из политий.

(20) Люди, управлявшие в то время городом, установили политию, не такую, которая на словах называлась бы самой мягкой и направленной на всеобщее благо, а в действительности для людей, имеющих с ней дело, оказывалась бы совершенно другой. И не так воспитывала эта политика граждан, чтобы они считали распущенность — демократией, противозаконие — свободой, воздержанность на язык — равенством, а возможность делать все, что вздумается — счастьем²⁶. Таких она не терпела и наказывала и тем самым добивалась того, чтобы граждане становились добродетельнее и рассудительнее. (21) Наиболее же содействовало хорошему управлению городом то, что существовали две признанные формы равенства. Одна из них предоставляла всем одинаковые права, другая воздавала каждому должное. Хорошо понимая, какая из них была более полезной, наши предки отвергали как несправедливое то равенство, которое требовало одних и тех же почестей для хороших и дурных²⁷, (22) они предпочли ту, которая оценивает и наказывает каждого по его заслугам. Положив это в основу управления городом, они не замещали должностей по жребию из всех граждан, но отбирали²⁸ лучших и наиболее способных к тому или другому виду государственной деятельности. Ибо они надеялись, что и все остальные будут вести себя так, как и руководящие делами государства. (23) Такой отбор они считали более демократичным, чем выборы по жребию. Ведь при жребии все решает случайность, и высшие должности часто могут получить сторонники олигархии, тогда как при отборе добродетельных кандидатов, народ получит полную возможность избирать людей, наиболее преданных существующей политии.

(24) И вот причина, почему это нравилось большинству и почему при замещении должностей не возникало борьбы: граждане были приучены к труду и бережливости; они не оставляли в пренебрежении свое имущество, злоумышляя против чужого, не поправляли своих дел за счет общественного достояния²⁹, а в случае нужды оказывали помощь государству из своих собственных средств³⁰; они не подсчитывали заранее и точно доходов от общественных обязанностей, зато хорошо знали размер прибыли от своего личного имущества. (25) Они никогда не прикасались к тому, что принадлежало государству, и поэтому в те времена было труднее найти желающих управлять, чем теперь встретить человека, который не стремился бы к этому; они считали заботу об общественных делах служением народу, а не средством получения личных доходов. С самого первого дня вступления в должность они не искали источников дохода, пропущенных их предшественниками, но прежде всего думали о том, не осталось ли забытым

²⁶ Ср. Thuc., III, 82, 4 сл.; Plato, Rep., 560—561.

²⁷ Ср. Nicocl., 14.

²⁸ Предварительное установление списка кандидатов на избрание некоторые приписывали конституции Солона (ср. Arist., Pol. Ath., 8, 1); в Панафинейской речи Исократ относит эту форму избрания к досолоновскому времени (ср. Panath., 145).

²⁹ Здесь речь идет об оплате не только магистратов, но и граждан за участие в заседаниях суда, в народных собраниях и т. д., ср. De Pace, 130; Arist., Pol. Ath., 24; 62.

³⁰ То же противопоставление старых нравов современным мы неоднократно встречаем у Исократа: ср. Paneg., 76; De Pace, 42 сл.; Panath., 145 сл.; Antid., 24.

какое-либо дело, требующее срочного завершения. (26) Короче говоря, наши предки ясно понимали, что народ, подобно тирану, должен назначать представителей власти, карать провинившихся и выносить решения по спорным вопросам; а люди, располагающие достаточными средствами к жизни ³¹, должны посвятить себя заботам об общественных делах как слуги народа. Ибо проявляя справедливость, они достойны похвалы и вправе дорожить этой почестью; (27) при плохом же управлении они не заслуживают ни-какого снисхождения и подвергаются самым суровым наказаниям ³². Кто бы мог найти демократию, более надежную и более справедливую, чем та, которая выдвигает на занятия общественными делами людей наиболее способных и в то же время сохраняет за народом высшую власть над ними?

(28) Таково было устройство их политики. Из этого видно, что и в повседневной жизни они всегда поступали справедливо и согласно закону. Ибо когда народ создает такие прекрасные принципы поведения в делах государственных, то и частная жизнь неизбежно отражает характер его общественного строя. (29) Прежде всего об их поведении по отношению к богам, ибо именно с этого будет справедливо начать; и в служении богам и в проведении жертвоприношений и празднеств наши предки не были так непостоянны и беспорядочны. В торжественных процессиях они не приводили к алтарю по триста быков ³³, когда им это вздумается; но они и не пропускали жертвоприношений, установленных сцами ³⁴. А когда устанавливались дополнительные празднества ³⁵ с угощениями, они не стремились к такому расточительному великолепию, какое заставляло отдавать по дешевке с торгов ³⁶ отправленные самых священных обрядов; (30) наши отцы строго следили, чтобы отечественные обычаи оставались неприкосновенными и не допускали каких-либо добавлений сверх установленных. Не в расточительстве видели они благочестие, но в сохранении неприкосновенности обрядов, переданных им предками. Поэтому и боги не посылали им ничего, что могло бы навлечь беду или вызвать ужас. И посе-ев, и сбор урожая всегда происходили в свое время.

(31) Таковы же были и их отношения друг с другом. Они придерживались одного и того же мнения относительно общественных дел, а в своей частной жизни оказывали друг другу внимание, какое подобает людям рассудительным и принимающим участие в жизни отечества; неимущие в то время никогда не завидовали более состоятельным. (32) Они заботились о знатных семьях, как о своих собственных, считая, что от богатых зависит и их собственное благополучие. А люди состоятельные не только не относились свысока к находящимся в стесненном положении, но считали самую бедность среди граждан позором для себя и помогали нуждающимся, предоставляя им за умеренную плату обрабатывать землю ³⁷, посылая их в торговые плавания или предоставляя средства для каких-либо других занятий. (33) Они не боялись потерпеть от этого какой-либо ущерб, — или потратить все или после больших хлопот вернуть лишь часть отданной суммы. Напротив, они были уверены в сохранности выданной суммы так же, как денег, лежащих в их собственном доме. Ведь они видели, что судьи, выно-

³¹ Ср. Arist., Pol. 1274 a 15 сл.

³² Ср. ту же мысль: Panath., 147.

³³ Ср. § 10.

³⁴ Ср. Ad Nicol., 20.

³⁵ Добавочные жертвоприношения утверждались в народном собрании.

³⁶ В словаре Гарпократиона поясняется, что некоторые жертвоприношения оплачивались доходами со священных участков, отдаваемых с торгов (ссылка на Дидима) (ср. Harpocr. s. v. ἀπὸ μισθωμάτων).

³⁷ Исократ, естественно, полагает, что арендаторы уплачивали собственникам земли не 5/6, а 1/6 урожая.

сящие решения по торговым сделкам, не руководствовались снисходительностью, но повиновались законам³⁸; (34) да и при ведении других процессов они не подготавливали для себя возможности совершать преступления³⁹. Они возмущались злостными должниками сильнее, чем сами потерпевшие, ибо считали, что нарушители договоров наносят значительно больший вред бедным, чем богатым. Ведь если люди состоятельные прекратят предоставление займов, они лишатся только незначительных доходов, бедняки же, лишенные материальной помощи, дойдут до полного разорения. (35) Благодаря такому взаимному доверию никто не скрывал своего имущества⁴⁰ и не уклонялся от предоставления ссуды; наоборот, богатые охотнее отдавали деньги, чем получали их обратно. Таким образом, и те и другие обоюдно достигали того, к чему и следует стремиться всем разумным людям; ибо они оказывали помощь согражданам, а в то же время и свое имущество пускали в оборот. Ведь главная причина их дружественного общения заключалась в прочном владении имуществом законными собственниками и одновременно предоставлением пользования им всем нуждающимся гражданам.

(36) Может быть, некоторые отнесутся с порицанием к тому, что я хвалю образ действия тех времен, но не указываю причин, вследствие которых наши предки так хорошо справлялись как со своими частными, так и с государственными делами. Хотя я уже в какой-то степени коснулся этого вопроса⁴¹, но попытаюсь теперь сказать о нем яснее и подробнее. (37) В те времена афиняне не имели множества надзирателей в годы юности, а достигнув совершеннолетия, не получали права делать все, что им вздумается. Напротив, достигая полного расцвета, они подвергались значительно более строгому надзору, чем в детстве. Наши предки придавали такое большое значение нравственным качествам, что поручили наблюдение за благопристойностью граждан совету Ареопага⁴², членами которого могли быть только люди знатного происхождения, показавшие своей жизнью пример высокой доблести и безупречной нравственности⁴³. Естественно поэтому, что он превосходил все другие Советы Эллады.

(38) Чтобы судить об установлениях того времени, можно воспользоваться примерами наших дней. Еще и теперь вследствие пренебрежения к делам, касающимся выбора и докимасии должностных лиц мы можем видеть, что люди, невыносимые во всех остальных делах, становясь членами Ареопага, не решаются больше следовать своей истинной природе и подчиняются установлениям закона более, чем собственным порокам. Такой великий страх внушили дурным людям наши предки, и такой великий памятник оставили они здесь своей добродетели и мудрости.

(39) Именно такому Совету, как было уже сказано, наши предки поручили заботиться о строгом порядке. Этот Совет считал невеждами тех, кто думал, что лучшие люди рождаются в городах, законы которых наиболее точно составлены. Если бы это было так, то в любом случае ничто не препятствовало бы всем эллинам стать совершенно одинаковыми, перенимая друг у друга писанные законы. (40) Однако добродетель возрастает не на основании законов, а путем ежедневных упражнений; большинство лю-

³⁸ Ср. Arist., Rhet., I, 13 (p. 1374 b. 20 сл.): «ибо посредник следит за равенством, а судья — за законом».

³⁹ Ср. Antid., 142—143.

⁴⁰ От сикофантов; ср. Antid., 159 сл.

⁴¹ Ср. § 20—27.

⁴² Такое же наблюдение за нравственностью граждан со стороны Ареопага отмечено Аристотелем (Pol., Ath., 3, 6; 8, 4).

⁴³ Термин *ἀριστιότης*, определяющий выбор членов Ареопага по знатности, Исократ толкует только в его моральном смысле.

(43) Они заботились так обо всех гражданах, но больше всего — о молодых. Ведь они видели, что в этом возрасте люди особенно неустойчивы по своему характеру⁴⁵ и обуреваемы различными страстями⁴⁶. Души их поэтому более всего нуждаются в укреплении приверженностью к благородным занятиям и трудам, доставляющим радость. Только такие занятия смогли бы привлечь и сдержать тех, кто получил воспитание, достойное людей свободных и приученных к высокому образу мыслей. (44) Однако не равенство в жизненных средствах не позволяло всем заниматься одним и тем же. Поэтому каждому определялось то занятие, которое подходило к его имущественному положению. Менее состоятельных преследовало земледелие и морской торговле, ибо бедность порождается праздностью, а преступление — бедностью. (45) Уничтожая, таким образом, первопричину зла, члены Совета стремились освободить граждан и от других преступлений, происходящих от праздности. Тех же, кто обладал достаточными средствами, они заставляли заниматься верховой ездой, физическими упражнениями, охотой и философией⁴⁷, они видели, что из людей, получивших такое воспитание, одни достигают совершенства, другие же воздерживаются от большинства пороков. (46) Члены Совета не бездействовали и позднее, после проведения этих законов в жизнь. Поделив город на кварталы, а страну — на демы, они следили за жизнью каждого гражданина⁴⁸, а нарушителей порядка призывали в Ареопаг. В одних случаях члены Совета ограничивались увещанием или угрозой, в других — подвергали наказанию, в зависимости от проступка. Они знали, что существует два пути — путь поощрения людей к несправедливости и путь, останавливающий зло. (47) Там, где нет надзора за людьми и наказания преступников, где судебные приговоры не точны, развращаются даже хорошие по природе люди; там же, где нелегко преступникам — скрыться, а уличенным — получить прощение, стремление к злу все более и более теряет силу. Зная и то и другое, члены Совета удерживали граждан от дурных поступков как наказаниями, так и надзором за ними. (48) Люди, запятнанные себя преступлением, совершенно не могли укрыться от членов Совета, уже заранее знавших, кто мог это преступление совершить. И поэтому юноши проводили время не в игорных домах или у флейтисток и не в сборищах, подобных тем, в которых теперь они растрачивают дни напролет⁴⁹.

44 Та же мысль у Тацита: corruptissima republica plurimae leges.
45 Cp. Plato, Leg., 808d.
46 Cp. Arist., Rhet., 1389a 3—b12.
47 Cp. Paneg., 47 сл.; Antid., 131 сл.; Aesch., II, 149; III, 255.
48 Cp. Arist., Pol. Ath., 42.
49 Cp. Antid., 287.

Напротив, они предавались установленным для них ежедневным упражнениям, восхищаясь и в то же время соревнуясь с теми, кто в этом первенствовал. Они настолько избегали агоры, что даже если кто-нибудь из них был вынужден пройти по ней, то каждому было видно как застенчиво и скромно он держался ⁵⁰. (49) Возражать или дерзить старшим считалось тогда даже более страшным, чем теперь дурное обращение с родителями. Есть или пить в харчевне не решился бы даже сколько-нибудь приличный раб ⁵¹; юноши заботились о собственном достоинстве, а не кривлялись, подобно скоморохам. Плоские остроты и зубоскальство, провозглашаемые теперь признаками ума, считались тогда несчастьем, ниспосланным человеку судьбой ⁵².

(50) Однако пусть никто не подумает, что я плохо отношусь к людям младшего поколения. Не их считаю я ответственными за то, что происходит теперь; я хорошо знаю, что большинство из них менее всего довольны создавшимся положением, благодаря которому им дозволено жить в такой невозддержности. Естественно поэтому обращаться с упреками не к ним, но, по справедливости, к тем, которые управляли городом незадолго до нас ⁵³. (51) Ведь это именно они довели наших граждан до такой распущенности и разрушили власть Ареопага. В то время когда этот Совет стоял у власти, город не был перегружен тяжбами и доносами ⁵⁴ и не было в нем ни налогов на имущество ⁵⁵, ни бедности ⁵⁶, ни войн; между собой граждане жили в дружбе, а со всеми остальными — в мире. Эллинам они внушали доверие, а у варваров вызывали страх; (52) эллинов они спасли, а варваров так строго наказали, что те могли радоваться, если с ними не приключится ничего худшего ⁵⁷. Ведь потому, что наши предки жили в такой безопасности, дома и другие постройки вне города у них были красивее и богаче, чем внутри городских стен ⁵⁸; многие граждане тогда и вообще не посещали Афин, даже во время празднеств, но предпочитали пользоваться собственным добром, оставаясь дома, вместо того, чтобы прожить за счет государства. (53) И даже дни торжественных празднеств, ради которых и приходил кто-нибудь в город, проводились не с разнузданностью и бьющей в глаза пышностью, но с разумной умеренностью. Ибо свое благосостояние граждане оценивали не пышными процессиями, не соперничеством друг с другом из-за хорегий и не бахвальством подобного рода, но соблюдением нравственных устоев в организации своей повседневной жизни, а также отсутствием среди них нуждающихся. Именно это и есть критерий для суждения об истинном процветании людей и об отсутствии низменных принципов (управления). (54) Кто же из рассудительных людей не содрогнется теперь при виде всего, что совершается вокруг, когда многие из сограждан нуждаются в самом необходимом, когда они тянут перед дикастерием жребий, чтобы узнать, будут ли они сегодня обеспечены необходимым пропитанием или нет, а в то же время считается правильным кормить за счет государства других эллинов, которые нанимаются гребцами на корабли, танцуют в хорах, надев расшитые золотом гиматии, а зимой мерзнут в таких одеждах, какие я не берусь и описать. Эти и другие резкие противоположности, порожденные нашим способом управления, при-

⁵⁰ Ср. *Aristoph.*, *Nubes.*, v. 991; *Plato*, *Theaet.*, 173 c—d.

⁵¹ Ср. почти в тех же выражениях *Antid.*, 286.

⁵² Ср. *Antid.*, 284.

⁵³ Имеются в виду демократы, начиная с Эфиальта, лишившего Ареопаг политической власти. Ср. *Arist.*, *Pol. Ath.*, 26.

⁵⁴ Это относится к сикофантам.

⁵⁵ Эйсфора.

⁵⁶ В результате непрерывных войн; ср. *De Pace*, 19.

⁵⁷ Ср. § 90; *Paneg.*, 117—118.

⁵⁸ Ср. *Thuc.*, II, 62, 3; *Dem.*, *Olynth.*, III, 25 сл.

носят государству великий позор. (55) Ничто подобное не случалось при прежнем Совете: бедных он освободил от нужды, предоставив им работу и помощь людей состоятельных; юношей — предохранил от распущенности упражнениями и надзором; политических деятелей излечивал от корыстолюбия наказаниями и невозможностью виновным скрыться от возмездия; людей преклонного возраста спасал от уныния предоставлением гражданских почестей и уважением юношей. Мог ли существовать государственный строй более достойный, чем этот, так прекрасно предусмотревший все общегосударственные интересы?

(56) Мы перечислили большую часть некогда существовавших установлений; что касается пропущенных, то легко можно судить из сказанного, что и они носили такой же характер. Некоторые, уже выслушавшие мой рассказ об этом, хвалили меня, как только могли и признавали, что наши предки были счастливы, управляя городом именно таким способом; (57) однако и они думали, что мне не удастся убедить вас воспользоваться этими принципами, но в силу привычки вы предпочтете бедствовать при существующих порядках, чем наслаждаться лучшей жизнью при более совершенной политике. Они предупреждали меня, что я, советуя лучшее, подвергаюсь опасности прослыть врагом народа и сторонником установления в городе олигархии. (58) Действительно, если бы я говорил о вещах неизвестных и не общепризнанных и побуждал бы вас избрать для этого синедров или синграфеев⁵⁹, по вине которых была уничтожена раньше власть народа, вы, естественно, имели бы право на такое обвинение. Я однако не предлагал ничего подобного, а говорил об управлении, характер которого ни для кого не является тайной; (59) это управление, унаследованное от отцов, как вы все прекрасно знаете, и было причиной многочисленных благодеяний для нашего государства и для остальных эллинов; кроме того, его установили и узаконили такие люди, которые по всеобщему признанию были демократичнейшими из граждан. И было бы в высшей степени странно, если бы, советуя вам ввести эту политику, я был бы заподозрен в стремлении к перевороту.

(60) Цель, которую я преследую, легко понять также из следующего: в большинстве речей, мной произнесенных, вы найдете осуждение олигархии и тирании; я одобряю равноправие и демократию, но не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе. (61) Я знаю, что созданием такой политики наши предки далеко превзошли всех других. И лакедемоняне наилучшим образом управляют своей страной потому, что они как раз и являются наиболее демократичными. И при избрании должностных лиц, и в повседневной жизни, и во всех остальных занятиях мы можем видеть, что равенство в правах и обязанностях у них имеет гораздо большее значение, чем у других⁶⁰. Олигархия ведет борьбу именно с этими установлениями, которыми постоянно пользуется хорошо организованная демократия.

(62) Если бы мы захотели к тому же исследовать историю самых знаменитых и великих из других городов, мы нашли бы, что демократические формы правления более полезны, чем олигархические. Если бы мы срав-

⁵⁹ При установлении первой олигархии времени Пелопоннесской войны уже в 413 г. были избраны 10 пробулов, в помощь которым избрали еще 20 человек. Согласно Фукидиду (VIII, 67), было избрано лишь 10 лиц с неограниченными полномочиями — *συγγραφεὶς ἀποκράτορες*. Коллегия синедров была создана для установления и создания олигархической конституции, хотя официального наименования этой коллегии «синедрами» не засвидетельствовано, но, по-видимому, она обычно обозначалась этим общим термином «заседателей». Ср. *Arist., Pol. Ath.*, 29,2—30, 9.

⁶⁰ У Исократы: *τὰς ἰσότητας καὶ τὰς ἰμοιότητας*. Термин *ἰμοιότης* обычно обозначает общину полноправных спартиатов, господствующих над илотами и периеками и живущими за счет их труда.

нили даже наш всеми порицаемый государственный строй не со старой демократией, которую я описал, но с правлением Тридцати, каждый несомненно признал бы его божественным. (63) Даже если кто-нибудь упрекает меня в том, что я выхожу за пределы моей темы, я все же хочу, в целях разъяснения, рассказать, насколько наш строй превосходит правление Тридцати. И пусть никто не подумает, будто я слишком тщательно исследую ошибки нашей демократии, замалчивая все, что было в ней хорошего и значительного. Этот рассказ будет недолгим и в то же время небесполезным для слушателей. (64) Кто из людей старшего возраста не знает, что, когда мы потеряли флот у Геллеспонта, и город постигла тяжкая беда, люди, которых мы называем демократами, были готовы на любые жертвы, чтобы не выполнять приказаний врага ⁶¹? Они считали самым страшным, если кто-либо увидит город, правивший эллинами, под властью другого государства; и в это же время разве не были готовы сторонники олигархии разрушить стены ⁶² и отдаться в рабство? (65) И кто не знает, что тогда, когда народ был хозяином положения, мы размещали гарнизоны в акрополях других городов? Когда же Тридцать захватили власть, враги заняли наш акрополь! В те времена нашими владыками стали лакедемоняне; но когда изгнанники, вернувшись, отважно вступили в борьбу за освобождение, и Конон одержал морскую победу ⁶³ разве не прибыли послы лакедемонян и не передали городу власть на море? (66) И кто же из моих сверстников не помнит, что демократия так украсила город и храмами, и общественными зданиями, что еще и теперь люди, посещающие его, считают, что он достоин править не только эллинами, но и всеми другими народами? А Тридцать — одними постройками пренебрегли, другие — ограбили, а верфи, стоявшие городу не менее тысячи талантов, продали на слом за три таланта! (67) Наконец, никто не решился бы прославлять перед лицом демократии кротость правления Тридцати. Они одни, получив власть над городом по постановлению народного собрания, без суда предали смерти полторы тысячи граждан и заставили более пяти тысяч бежать в Пирей. Демократы же, хотя и победили в сражении и вернулись с оружием в руках, предали смерти лишь главных виновников преступлений, а по отношению к остальным вели дела так великодушно и справедливо, что люди, изгонявшие граждан из города, чувствовали себя в Афинах ничуть не хуже вернувшихся из изгнания ⁶⁴. (68) Но вот самое лучшее и убедительное доказательство справедливости народа: оставшиеся в городе заняли у лакедемонян сто талантов для осады демократов, укрепившихся в Пирее. Когда же позднее на народном собрании встал вопрос о возврате денег лакедемонянам, многие настаивали на том, что уплату долга, по справедливости, должны произвести не подвергшиеся осаде, но те, кто занимал деньги. Однако народ постановил произвести оплату долга из государственной казны ⁶⁵. (69) В результате этого решения мы достигли такого единодушия и так содействовали усилению города, что лакедемоняне, которые во времена олигархов чуть ли не каждый день отдавали нам распоряжения, при демократии пришли к нам просить и умолять не допустить их изгнания из собственной страны ⁶⁶. Вот самое существенное в образе

⁶¹ Ксенофонт говорит об ожесточении и мужестве, с которым афиняне переносили страдания осады города. Ср. X e n. Hell., II, 2, 11; II, 2, 5. Ср. также L y s., XII, 68 сл.; XIII, 8; 15—16.

⁶² Ср. X e n., Hell., II, 2, 23.

⁶³ Исократ произвольно связывает победу Конона при Книде (394 г.) с событиями 361—360 гг.

⁶⁴ Ср. A r i s t. Pol. Ath., 40,3; D e m., XX, 11—12.

⁶⁵ Ср. A r i s t., Pol. Ath., 40,3; D e m., XX, 11—12.

⁶⁶ После поражения при Левктрах (371 г.) спартанцы обратились к Афинам за помощью против фиванцев, которая была им оказана посылкой отряда под командованием Ификрата. Подробно об этом см. X e n., Hell., VI, 33 сл.

мыслей тех и других: одни стремились властвовать над гражданами и быть рабами у врагов, другие — властвовать над врагами, а среди граждан быть равноправными⁶⁷. (70) Все это я рассказал по двум причинам: во-первых, желая показать, что я стремлюсь не к олигархическому строю или к тирании, но к справедливой и хорошо организованной политике; во-вторых, что даже плохо организованная демократия причиняет все-таки меньше вреда, а хорошо управляемая обладает большими преимуществами — ей присуща большая справедливость, она полезнее для всего общества и поэтому более приятна для граждан, живущих при этом общественном строе. (71) Но, может быть, кто-нибудь из вас спросит, — чего я хочу и почему убеждаю вас переменить существующую политику, сожже я вижу так много хорошего, на другую, и почему теперь, только что воздав такую похвалу демократии, вдруг, как бы под влиянием каприза, снова меняю свое мнение и вновь порицаю и осуждаю существующий демократический строй?

(72) Я порицаю и тех частных лиц, которые лишь изредка поступают правильно, а в большинстве случаев совершают ошибки; я считаю их хуже тех, какими они должны быть; кроме того, они, хотя и происходят от благородных мужей, мало чем отличаются от людей, погрязших в пороках. Я упрекаю их за то, что они значительно хуже своих отцов и хотел бы посоветовать им отказаться от такого поведения и образа жизни. (73) Я придерживаюсь того же самого мнения и относительно общественных дел. Я полагаю, что нам не следует гордиться или испытывать удовольствие, если мы строже соблюдаем законы, чем люди, ненавистные богам и охваченные безумием; скорее наоборот, нам следует негодовать и возмущаться, — ведь мы стали хуже наших предков. Мы должны соревноваться с их доблестью, а не с развращенностью Тридцати, особенно потому что нам подобает быть самыми лучшими из людей. (74) Не впервые я выношу теперь эти мысли. Я высказывал их многократно и перед многими. Я знаю, что в других местностях выращиваются разнообразные плоды, деревья и животные, обладающие своими преимуществами в каждом районе и по качествам превосходящие те же виды в других местах; а наша страна в состоянии порождать и воспитывать мужей, не только наиболее одаренных в искусствах, предприимчивости и красноречии, но и далеко превосходящих остальных людей мужеством и доблестью⁶⁸. (75) Справедливость этого засвидетельствована древними войнами против амазонок, фракийцев и всех пелопоннесцев, а также борьбой с персами, во время которой они и один на один и с помощью пелопоннесцев одерживали победы над варварами на суше и на море и были удостоены похвалы за доблесть⁶⁹; ведь ничего подобного не могли бы они совершить, если бы по самой своей природе не превосходили бы остальных людей. (76) Пусть никто не подумает, что эта похвала относится к политическим деятелям нашего времени; напротив, этими словами я воздаю похвалу тем, которые проявили себя достойными доблести наших предков, ведь эта похвала в то же время — порицание тем, кто нерадивостью и дурными поступками покрывает позором свое благородное происхождение, — а это именно мы и совершаем. Правда должна быть сказана. Обладая по природе такими преимуществами,

⁶⁷ Это противопоставление не раз употреблено у Исократ: ср. Paneg., 111; De Buz., 42; C. Loch., 10.

⁶⁸ Ср. De Pace, 94; то же ср. Plato, Menex, 237 D.

⁶⁹ Излюбленная тема всех похвал военной славе Афин; ср. Paneg., 54 сл., 99; De Pace, 76; Panath., 154 сл. P s.- L y s., Or. fun., 4—16; P s.- D e m., Or. fun., 8—11; Xen., Hell., VI, 5, 46—47; Plato, Menex, 239 A сл. Более объективен Геродот: ср. H e r., IX, 71.

мы не сберегли их, но, охваченные стремлением к дурному, впали в безрассудство и раздоры. (77) Если бы я хотел порицать все то, что заслуживает порицания, и обличать современное положение дел, я боюсь, что это увело бы меня далеко от моей основной темы. Об этом мы говорили и раньше, и еще будем говорить, если мы не сможем убедить вас покончить с подобными ошибками. Теперь же я еще раз вкратце скажу о том, что с самого начала я сделал темой своей речи, а затем уступлю свое место любому желающему обратиться к вам с советом по тому же вопросу.

(78) Если мы будем так управлять городом и дальше, то все останется по-старому. Мы будем жить по-прежнему, принимать решения, вести войны, претерпевать неудачи и совершать почти все то же, что делаем теперь и делали раньше. Если же мы изменим нашу политику, то ясно, что благодаря этому у нас будут те же условия жизни, какими пользовались предки. Ибо одни и те же политические установления неизбежно порождают близкие и одинаковые последствия. (79) Сопоставив важнейшие результаты обеих систем управления, нам необходимо рассмотреть, какую же из них следует предпочесть. Сначала мы должны обдумать — как относились эллины и варвары к прежней политике и как теперь они относятся к нам. Ибо в значительной степени и те и другие способствуют общему процветанию, когда они расположены к нам надлежащим образом. (80) Эллины так доверяли тем, кто управлял государством в то время, что большинство из них добровольно отдались под власть нашего города, варвары же были настолько далеки от вмешательства в дела эллинов, что их военный флот не появлялся далее Фаселиды, а сухопутные войска не переходили реку Галис, и они оставались в полном бездействии⁷⁰. (81) Теперь же обстановка настолько изменилась, что одни ненавидят наш город, а другие нас презирают. О ненависти эллинов вы слышали от самих стратегов; о том же как относится к нам царь персов видно по его письмам, посланным нам⁷¹.

(82) Кроме того, строгие правила того времени воспитали граждан в такой доблести, что они не оскорбляли друг друга, а при вторжениях врага в страну все вместе боролись и побеждали. У нас же теперь — все наоборот. Мы не пропускаем ни одного дня, чтобы не причинить друг другу какого-нибудь зла, а военными обязанностями мы пренебрегаем настолько, что даже не считаем нужным ходить на проверку, если не получим за это денег⁷². (83) Но вот самое важное: тогда никто из граждан не испытывал нужды в самом необходимом и не позорил наш город, прося подавания у первых встречных; теперь же нуждающихся значительно больше, чем имущих. Поэтому нужно быть снисходительным к народу, если он не заботится об общественном процветании, а постоянно думает лишь о том, как просуществовать в каждый сегодняшний день.

(84) Я убежден в том, что если мы будем подражать предкам, мы освободимся от всех бед и станем спасителями не только нашего города, но и всех эллинов. Я пришел сюда для выступления перед народом и произнес эту речь. Вы же, взвесив все обстоятельства, подавайте свои голоса за то, что покажется вам наиболее полезным для нашего города.

(Продолжение следует)

⁷⁰ Ср. Paneg., 113; Lysurg. С. Leocr., 73. По Каллиеву миру (449 г.) персы не должны были появляться за пределами Фаселиды на Востоке и Кнанийских скал (у сев. входа в Боспор); однако установление границы для наземных операций по р. Галису — неправдоподобно. Ср. Dem., Amb., 273; Plut., Cimon., 13, 6.

⁷¹ Речь идет об ультиматуме персидского царя, который требовал отозвания Хареса и утверждения Царского мира.

⁷² Граждане получали вознаграждение от государства за участие в народном собрании и суде; возможно, что они хотели добиться и оплаты за медицинское освидетельствование во время призыва.